E:NOTE

СТУДЕНЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ ECLAB

2014-2015

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОЛЛЕДЖ
Liberal Arts в Беларуси (ECLAB)

Подробней смотрите:
http://eclab.by
https://www.facebook.com/collegeofliberalartsinbelarus
http://vk.com/eclab_by
https://twitter.com/Eclab_by

Наш контакт:
liberalarts.by@gmail.com

«Европейский колледж Liberal Arts в Беларуси» (ECLAB) — это проект, позволяющий получить дополнительное образование по системе Liberal Arts Education.

ECLAB задуман как неформальная альтернатива существующей в Беларуси системе высшего образования, которая сохранила ряд недостатков с советских времен.

Мы предлагаем творческую атмосферу на занятиях, свободное интеллектуальное общение студентов и преподавателей, отсутствие иерархии и «правильной» точки зрения, а также развитие навыков критического мышления.

В 2015/2016 году набор осуществляется в рамках пяти концентраций (направлений): «Интернет и общество», «Гендерные исследования», «Современное общество, этика и политика», «Массовая культура и медиа», «Публичная история». В течение года студенты, избравшие ту или иную концентрацию, имеют возможность прослушать более десяти учебных курсов, в том числе дополнительные курсы, выбранные в соответствии с индивидуальными интересами.

Кроме прохождения учебной программы, у студентов ECLAB есть возможность разрабатывать и реализовывать свои проекты в рамках Студенческой мастерской, а также принимать участие в проектах Научных центров ECLAB.

ОТ РЕДАКЦИИ

Наша современность носит множество имен, будь то «время позднего капитализма», «информационная эпоха» или же «эпоха постмодерна». Во всех этих определениях содержится попытка описать те масштабные изменения, которые происходят с миром начиная со второй половины XX века. На наших глазах преобразовывается реальность: быстрыми темпами глобализируется экономика, изменяются технологии, а сообщества приобретают новые характеристики. Жизнь в условиях постоянно меняющегося многообразия ставит человека перед необходимостью делать выбор, находить себя во времени и пространстве, определять свое отношение к действительности.

Модель образования по программе Liberal Arts представляет собой попытку подготовить студентов к вызовам современности и предлагает им возможность научиться критично мыслить, аргументированно отстаивать свою точку зрения, видеть мир во всем его многообразии. Подготовка «свободного ума» — задача более чем амбициозная, в некотором роде даже утопическая, но вместе с тем она являет собой пример того, каким может быть человек.

Первый выпуск студентов Европейского колледжа Liberal Arts в Беларуси (ECLAB) успешно состоялся. Представленный корпус текстов — это лишь маленькая толика тех тем и проблем, которые волновали студентов и затрагивались в процессе их обучения. Проблематизируя понятия «ценности» и «гендерные нормы», задаваясь вопросами о том, что есть современное искусство и чем сегодня является город, размышляя о белорусской истории и повседневности, студенты ECLAB утверждали себя как личностей, которые могут мыслить свободно, невзирая на принятые нормы и авторитеты, и готовы смотреть на окружающую действительность как на открытую для всевозможных интерпретаций.

Над журналом работали:

Редакторы:
Иван Жигал,
Тарас Тарналицкий,
Даниил Широчук

Консультанты:
Ольга Романова
Ольга Шпарага
Алексей Браточкин

Дизайн и верстка:
Юлия Сымонович

Дизайн обложки:
Мария Кирильчик

СОДЕРЖАНИЕ

E.NOTE | ПОЛИТИКА & ЭТИКА

E.NOTE | ГОРОД (совместно с альманахом «Городские тактики»)

E.NOTE | ГЕНДЕР

E.NOTE | ПРОЕКТЫ

ПРОИЗВОДСТВО СОЛИДАРНОСТИ: Другой, боль, реакция

ИВАН ЖИГАЛ,
историк. Выпускник БГУ (2015). Новейшая история стран Центральной и Юго-Восточной Европы, власть и общество/интеллектуалы, экзистенциальные стратегии философствования.
Эссеист. Автор проекта «Stenøgrame».

Кажется, что солидарность всегда запаздывает, возникает после, постфактум. Самые яркие примеры последнего времени: убийство оппозиционного политика Бориса Немцова подтолкнуло определенные сегменты российского общества к действиям против сложившейся репрессивной системы власти; взять наш контекст — несправедливость по отношению к независимому издателю Игорю Логвинову повлекла за собой появление лиц, готовых противостоять этой несправедливости.

Социолог Александр Филиппов очень точно, на мой взгляд, подметил специфику солидарности: «… солидарность является проблемой потому, что ее существование неочевидно. Солидарность не повсеместна, она находится под угрозой, ее существование не является первостепенной заботой, но ее отсутствие более чем ощутимо во всей социальной жизни»[1]. Конечно, в связи с этим возникает соблазн задаться вопросом, не является ли точка зрения Александра Филиппова (и мое согласие с ней) продуктом осмысления культурной ситуации, в которой мы находимся? Она определяется тем, что квазидемократические режимы наших стран делают все возможное, чтобы мнения по тем или иным вопросам, имеющие отношение к обществу в целом, исходили только от властных институций, а не рождались в диалоге. Однако вопрос о контекстуальности и ситуативности возникновения солидарности пока следует вынести за скобки (но обязательно к нему вернуться), чтобы задаться другим: возможна ли универсальная солидарность?

[1] А. Ф. Филиппов. Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3, 2011. — С. 4.

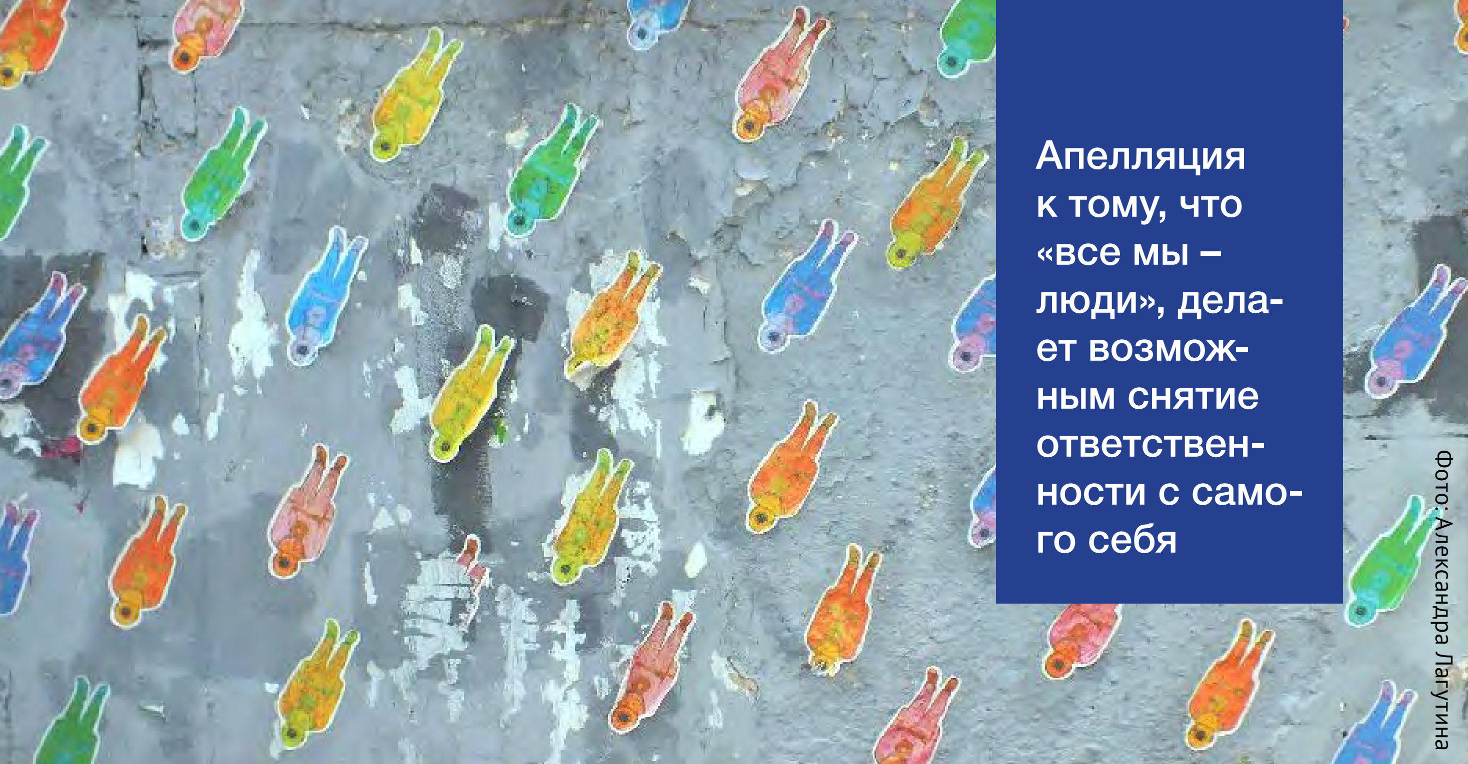

Фото: Александра Лагутина

Апелляция к тому, что «все мы – люди», делает возможным снятие ответственности с самого себя

После ужасов ХХ века, когда любые универсалистские проекты кажутся подозрительными

СОЛИДАРНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА

Идея солидарности, выкристаллизовавшаяся из лозунга Великой Французской революции о братстве (в совокупности со свободой и равенством) — проблема нашего времени, проблема современности-после-Холокоста[2]. Петер Эстерхази — современный венгерский писатель в одном из своих текстов очень образно охарактеризовал ситуацию нашего времени: «Великая французская революция хотела вовсе не того, что стало сегодня, человечество еще остается в долгу по поводу совокупной реализации свободы-равенства-братства, современная эпоха свободу воспринимает всерьез, о равенстве разглагольствует и отвергает его, а о братстве позабыла».

Филиппов справедливо заметил, что можно вести речь о солидарности трудящихся, демократических сил, гражданского общества, но «солидарность, которая выходила бы за эти пределы, остается сомнительным феноменом». После ужасов ХХ века, когда любые универсалистские проекты кажутся подозрительными, точно такое же недоверие вызывают и большие общности людей — апелляция к ним и их интересам. Подобная установка имеет под собой весомую аргументацию, однако не отменяет необходимости в поиске общих оснований для выстраивания сетки человеческих взаимоотношений.

Привычное объяснение появления солидарности в силу того, что «все мы — люди», «принадлежим к роду человеческому», кажется слишком слабым как раз потому, что оно апеллирует к всеобщности. Однако, как известно, назвав нечто «человечеством», «обществом», мы только на некоторое время создаем большую и цельную абстракцию, затем же она начинает фрагментироваться, порождать новые, вполне конкретные вопросы и смыслы. Опасение вызывает и тот момент, что апелляция к тому, что «все мы — люди», делает возможным снятие ответственности с самого себя. Объяснение же возникновения солидарности как дополнительного мотива[3] человеческого взаимодействия отдает релятивизмом, так как солидарность в таком случае может возникать при любых условиях и ситуациях, лишь бы она способствовала реализации поставленных целей.

[2] Современность-после-Холокоста я употребил, чтобы указать на отличие нашего времени и ситуации от современности (модерности), берущей свое начало в XVII веке.

[3] Думаю, поскольку мотивы бывают разными, в некоторых случаях объединение людей скорее напоминает проявление лояльности, нежели солидарности.

Итак, солидарность проблематична, она представляет собой феномен, возникновение которого сложно объяснить. Тем не менее, позволю себе немного нарушить логику построения и развертывания мысли, и обозначу свое понимание солидарности. *Солидарность возникает на перекрестке рациональности и иррациональности поступков, прагматизма и дружеской приязни, и при этом является чем-то большим, чем разделение людьми одинаковых (схожих) убеждений; это не замкнутая система человеческих взаимоотношений, наоборот — солидарность предполагает открытость, соотнесение себя с другими, исходя из собственной уникальности и способности понять (и принять) уникальность других.*

Однако остается в силе вопрос: где найти пространство для возникновения солидарности? что является точкой отсчета для появления солидарности?

ПАМЯТЬ О БОЛИ/СТРАДАНИЯХ КАК ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ (И СУЩЕСТВОВАНИЯ) СОЛИДАРНОСТИ[4]

Философ Ричард Рорти писал о том, что солидарность рождается из чувствительности к боли других. На мой взгляд, это очень сильный аргумент в пользу солидарности, который, однако, нуждается в дополнении.

Боль/страдание представляется мне таким явлением, которое, с одной стороны — существовало (и существует) вне времени и пространства, с другой — имеет свое значение во времени и пространстве. Если говорить о «боли/страдании вне времени и пространства», то тут мне кажется уместным связать их с телесностью человека. Тело как «экзистенциальная опора всего сущего» (Габриэль Марсель) хранит память о ранах, шрамах, отсылает к цикличности человеческого существования (рождение — смерть). Телесность задает понимание/прочувствование Другого, а значит — делает возможным понимание/прочувствование боли Другого.

Понимание боли/страдания задается контекстом, как отмечает Гульнара Хайдарова: «Эпохи различаются по своему отношению к боли, то есть мировоззрение времени может отличаться чувствительностью к ней или может игнорировать проявления боли»[5]. Опыт XX века, который был крайне болевым и травматичным, по-новому заставил взглянуть на боль/страдание, переосмыслить человеческую жизнь, исходя из пространства «голой жизни». В этой связи уместно вспомнить Яна Паточку с его «солидарностью потрясенных», солидарностью тех, кто выжил, продолжил свое существование[6].

Наметив контур боли/страдания как пространства, которое одновременно находится «в» и «вне» собственного (телесного) опыта и делает солидарность возможной, следует раскрыть понятие «память о боли». Здесь я отталкиваюсь от рассуждений Хайдаровой о том, что «боль может провоцировать рефлексию, но как актуальное состояние она не провоцирует мысль». Действительно, нельзя постоянно испытывать боль/страдание, она либо претерпевается-преодолевается, либо убивает все силы, направленные на ее преодоление. Однако полное забвение боли/страдания влечет за собой бесчувственность, неспособность воспринимать боль Другого, поэтому так важно постоянно держать боль/страдание на периферии своей памяти[7]. В этой связи недостаточно

Фото: Тарас Тарналицкий

[4] Г. Хайдарова, на которую я буду ссылаться далее, предлагает говорить о страдании как синониме боли, с тем уточнением, что в страдании происходит слияние мук как физического, так и душевного свойства.

[5] В качестве примера обращусь к эссе Сьюзен Сонтаг «Смотрим на чужие страдания», где она показывает, как воспринимались обществом военные фотографии в 1920-е годы и в наше время. «Образ как шок и образ как клише — 2 стороны одного и того же явления».

[6] Тут уместно оговориться, что это потрясение «представляет собой выраженный с предельной остротой синдром другого потрясения… потрясения в результате смерти Бога и краха метафизики» (И. Хватик. «Забота о душе» Яна Паточки в «нигилистическом» мире // Ян Паточка и идея Европы. Восточно- и центрально-европейские контексты. Сб. статей. — Вильнюс, 2011. — С. 170.).

> Наша культурная ситуация характеризуется нарушением баланса между государством и обществом

Фото:Ольга Романова

только помнить о боли, чтобы соотносить ее с возможной болью Другого. Необходимо постоянно проблематизировать боль, обращаться к ее осмыслению при помощи искусства, широких общественных дискуссий.

В таком случае боль/страдание и память о ней могут выступать в качестве точки отсчета для солидарности, являясь своеобразным имманентной трансценденцией.

СОЛИДАРНОСТЬ КАК РЕАКЦИЯ

Возвращаясь к началу текста — к вынесенному за скобки вопросу о контекстуальности и ситуативности возникновения солидарности, отмечу следующее. Наша культурная ситуация (как белорусская, так и российская) характеризуется нарушением баланса между государством и обществом (не говоря уже о сообществах). Можно говорить о существовании монополии государства на общество: государство выступает от лица общества и одновременно указывает обществу, каким ему следует быть. Думаю, поэтому правомерно утверждать, что солидарность в этой ситуации зачастую может выступать в качестве реакции, недовольства определенного сегмента общества тем, что у него не спрашивают его мнение, распоряжаются им как игрушкой. И здесь возникает новый вопрос: насколько эта солидарность истинная? То есть, где здесь грань между недовольством (подчеркну, обоснованным) и осознанием того, что общественные вопросы должны всегда касаться каждого и выноситься на обсуждение? Контекст важен, но он не должен заслонять собой общей проблемы — необходимости солидарности как таковой.

[7] Акции Петра Павленского в России (если не интерпретировать их исключительно через привязку к ситуации с правами и свободами человека в этой стране) можно рассматривать как случай напоминания о боли как о бытийной феномене.

Литература:
1. А.Ф. Филиппов. Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3, 2011.
2. А.Ф. Филиппов. Мобильность и солидарность. Статья вторая // Социологическое обозрение. Т. 11. №1, 2012.
3. MEDIUM боли // Антология медиафилософии / Редактор-составитель В. В. Савчук. – СПб.: Издательство РХГА, 2013.
4. Г.Р. Хайдарова. Продуктивность боли в процессе самовоспитания // http://www.paininfo.ru/articles/2497.html
5. Г.Р. Хайдарова. Феномен боли в культуре. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. СПб, 2013.

ОДИНОЧЕСТВО в современном обществе потребления и в «хорошем обществе»

ЮЛИЯ СЫМОНОВИЧ,
свободный графический дизайнер

Белорусское общество на сегодняшний день является разновидностью общества потребления и, следовательно, сталкивается с характерными для него проблемами. Я хочу рассмотреть одну из характеристик этого общества, а именно — одиночество (в значении индивидуализма, как его понимают Бауман и Бодрияйр, на которых я буду ссылаться далее). В эссе мне хотелось бы рассмотреть проблемы, связанные с данным феноменом, и выдвинуть предложения, как возможно их решать в беларусском контексте и в условиях «хорошего общества».

Введем основные понятия. Общество потребления — это состояние современного общества, возникшее в результате развития капитализма и оказывающее влияние на нравственные принципы, систему ценностей и ключевые установки общества. Одиночество — состояние и ощущение человека, находящегося в условиях реальной или мнимой коммуникативной депривации (изоляции от других людей, разрыва социальных связей, отсутствия значимого общения и его недостаточности, и др.)[1]. Каким же образом поднятые проблемы могли бы быть решены в «хорошем обществе»? Под «хорошим обществом» я при этом понимаю утопическое справедливое общество, в основе которого лежат законы равноправия, ненасилия, благополучия и развития, где каждый индивид ощущает себя частью общности и чувствует себя счастливым.

Представители Франкфуртской школы анализировали массовую культуру как способ подавления и манипуляции людьми. Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно в своей работе «Диалектика про-

[1] А. А. Грицанов. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов, 3-е изд., испр. – Минск, 2003. – Изд. «Книжный Дом».

Под маской «рая и земли обетованной» скрываются невыявленные проблемы и угрозы

свещения» ввели термин индустрии культуры[2]. Они утверждали, что культура в современном обществе превратилась в одну из отраслей экономики и способ манипуляции обществом. «Техническая рациональность сегодня является рациональностью самого господства как такового. Она есть свойство отчужденного от самого себя общества быть обществом принуждения»[3]. Философы полагали, что высокое искусство постепенно исчезает из современного общества и заменяется *массовой «пародией» на себя*. Целью культуриндустрии является *получение прибыли путем деградации личности*: путем замены фантазии и критического мышления на готовые массовые шаблоны, создания иллюзии свободы и, как следствие, общей деградации общества.

Авторы этой теории, на мой взгляд, категоричны и пессимистичны. Но в ней есть то, на чем я бы хотела остановить внимание в контексте рассмотрения проблемы одиночества. В рамках эссе меня интересует идея связи *культуриндустрии* и *индивидульности*. Адорно и Хоркхаймер утверждают, что культуриндустрия так успешно внедряется в общество потому, что отражает его надлом, выражающийся *в замене индивидуации на подражание*. И это вызывает глубокий раскол личности. То есть вместо того, чтобы развиваться и формироваться как уникальная личность, индивид подражает другим и вследствие этого старается быть не собой, а объектом подражания, откуда и следует раскол личности, или конфликт между быть и казаться. Тем не менее, авторы теории пишут, что «лживая подмена индивидуального стереотипом сама по себе должна стать невыносимой для людей»[4].

Жан Бодрийяр развивает теорию расщепления личности далее. Он говорит о том, что в современном обществе изобилия процветает депрессивность и деструктивность — насилие, усталость, вина, фантазм и пр.[5] Это служит доказательством тому, что под маской «рая и земли обетованной» скрываются невыявленные проблемы и угрозы, которые таким образом проявляются (иначе, откуда в обществе изобилия, где нет необходимости бороться за ресурсы, такое количество насилия?).

Фото: Тарас Тарналицкий

[2] М. Хоркхаймер, Т. Адорно. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-Спб., 1997. – С 149-209.

[3] М. Хоркхаймер, Т. Адорно. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М- Спб., 1997. – С. 151-152.

[4] М. Хоркхаймер, Т. Адорно. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-Спб., 1997. – С. 149-209.

Здесь теория Бодрияйяра отсылает к З. Фрейду: Бодрийяр развивает теорию об *амбивалентности желания*, т.е. полагает, что желание не может быть исключительно позитивным — оно всегда имеет и негативную сторону. В обществе потребления при возникновении потребности — она удовлетворяется, и мы, вроде бы, должны быть довольны, но при этом не учитывается та самая вторая, негативная сторона желания, которая вытесняется в бессознательное и затем находит выход в деструктивности. Таким образом, автор поддерживает теорию расщепления личности и продвигается глубже в анализе ее причин. В контексте одиночества эта идея об амбивалентности важна для нас, т.к. подсказывает, где следует искать пути для уменьшения напряжения, вызванного вытесненным негативом амбивалентного желания.

В рамках рассмотрения интересующего меня вопроса я хотела бы далее обратиться к понятию *«знаков счастья»*, предложенному Бодрийяром. Для любого человека в любом обществе характерно стремление к счастью. В обществе потребления человек в ответ на свой внутренний, экзистенциальный вопрос: «Что мне нужно, чтобы стать счастливым?» получает моментальные ответы. Например, мне нужно быть красивой, а для этого достаточно купить это, это и это, и уже через месяц я буду неотразима… Но эти ответы по факту не приносят обещанного счастья, а только создают бесконечную цепочку разочарований и погони за новыми «знаками» счастья. Таким образом, в человеке нарастает внутреннее напряжение, а значит тоска, депрессия и одиночество.

Британский социолог Зигмунт Бауман раскрывает понятие одиночества через понимание общества как *индивидуализированного*[6]. Постоянное развитие общества, технологический прогресс, перемены — все это делает трудным адаптацию человека к новым условиям, он не успевает приспосабливаться, пересматривать свои ценности или отношение к тому или иному вопросу. Общество как бы распадается на множество отдельных людей. Также одной из причин одиночества и оторванности от общности Бауман называет отсутствие *агоры*, т.е. места для публичных встреч и споров. Это важное для нас замечание, наталкивающее на мысль о том, как можно снижать напряжение одиночества в идеальном «хорошем обществе» — через создание и поддержание публичных пространств. Автор делает интересный для раскрытия темы вывод: «Неизбежным спутником любой индивидуализации становится нарастающее одиночество»[7]. Вслед за ним, мы можем заключить, что уже само ускоренное развитие современного общества потребления оборачивается для индивида своеобразной травмой — расколом, результатом которого и становится нарастающее одиночество. В таком случае, мы не сможем полностью избавиться от одиночества даже в идеальном «хорошем обществе», и тогда необходимо искать пути к тому, как сублимировать одиночество или как снизить то напряжение, которое оно создает внутри индивида.

Предложенные теории очерчивают проблему и причины одиночества, испытываемого людьми в современном обществе потребления, но почти не дают ответов на вопрос, как бороться с его деструктивной формой. Я бы хотела выдвинуть собственные предположения. Говоря о «хорошем обществе», я думаю, что первым и, наверное, самым важным шагом к преодолению проблемы

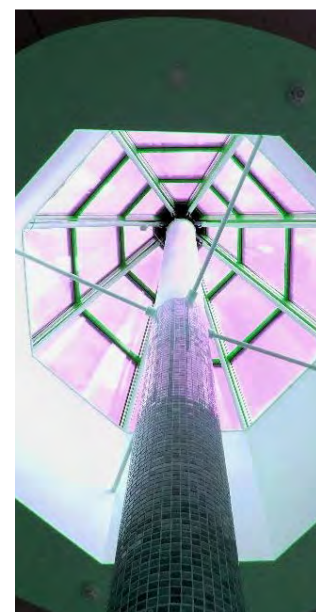

Фото: Александра Лагутина

Неизбежным спутником любой индивидуализации становится нарастающее одиночество

[5] Жан Бодрийяр. Общество потребления. М., 2006. – С. 4.

[6] Зигмунт Бауман. Свобода. М., 2006.

[7] Зигмунт Бауман. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. – С. 20.

Фото: Тарас Тарналицкий

В «хорошем обществе», возможность одиночества сохраняется, но при этом его значение частично трансформируется

деструктивного одиночества (да и многих других) является развитие способности к критическому мышлению. На мой взгляд, в «хорошем обществе» должна быть создана развитая и общедоступная платформа для дискуссий — не только для того, чтобы искать истину, а в первую очередь для обеспечения вариативности мнений и для того, чтобы учиться мыслить критически. Тогда общество будет противостоять деградации и слепому следованию чужим идеалам. В дискуссии человек встречается с другим, делится собственным мнением, прислушивается к мнению других людей — это помогает снизить напряжение одиночества.

Проблема амбивалентности желаний, в силу конфликтности психики, не исчезнет даже в утопичном идеальном обществе, как и проблема одиночества, которое, согласно Бодрийяру, неразрывно связано с индивидуализацией. Поэтому, на мой взгляд, должны быть выработаны социально приемлемые способы переработки и сублимации негативных желаний. А для того, чтобы ответить на вопрос о счастье, человек в «хорошем обществе», на мой взгляд, должен обращаться не к популярным журналам и не к рекламе, а искать ответы в себе (опять же здесь не обойтись без критического мышления), а при необходимости — к классической литературе, кино и искусству, к природе и тишине (в первую очередь информационной). То есть, фактически, побыть в одиночестве, в позитивном смысле этого слова, подразумевающего «возвращение к себе». Мне кажется важным дать человеку возможность самому поискать ответ на вопрос о счастье, а не забрасывать его готовыми шаблонами. Отсюда следует также, что у одиночества есть и позитивный смысл: оно дает возможность прислушаться к себе в поисках собственных ответов на экзистенциальные вопросы.

Таким образом, в «хорошем обществе», на мой взгляд, возможность одиночества сохраняется, но при этом его значение частично трансформируется в позитивное (например, в уединение). А в негативном смысле депрессивности и расщепления одиночество должно быть сведено к минимуму. Этому может способствовать развитие критического мышления и участие в дискуссиях, осознанное отстранение от навязанных шаблонов «подражания», поиск собственных ответов и формирование собственных мнений.

СОВРЕМЕННОСТЬ И ИСКУССТВО

АЛЕКСАНДР ДЕШКЕВИЧ,
программист

Современность, согласно мысли Фуко, это установка, предполагающая постоянную критику собственного исторического бытия[1]. Иными словами, установка современности заключается в том, чтобы задаваться вопросом о смысле своей собственной современности. Понятно, что речь в таком определении идет о двух современностях. Это и сама установка, и современность конкретной ситуации, с которой эта установка имеет дело. Производительная сторона определения обеспечена несовпадением двух современностей: с одной стороны, имеются конкретные исторические обстоятельства, а с другой, рефлексивный жест, этими обстоятельствами порождаемый и на них обращенный. Теоретическая же сторона определения выражает их совпадении, то есть то, что современность исчерпывается серией рефлексивных жестов, направленных на себя.

Что же делает современное искусство современным? Видимо, озабоченность собственной современностью. Занято ли оно репрезентацией социальной действительности или условиями возможности самого художественного высказывания, ему не избавиться от историзирующего, явного или неявного уточнения, что «речь идет о нашем времени», «о нашей эпохе». Современное искусство хорошо знает (слишком хорошо), что универсальное следует искать в единичном и временном. Иначе говоря, современность оказывается способом имманентного доступа к истине искусства и, одновременно, ее исчерпания.

Итак, современное искусство задается вопросом: «Что значит быть современным?». Оно спрашивает о тех исторических обстоятельствах, в свете которых звучит этот вопрос. Оно спрашивает о реальности. С точки зрения теории, современное искусство водит себя за нос. Оно является современным уже постольку, поскольку

[1] М. Фуко Что такое Просвещение // http://www.lib.ru/%3E%3C/CULTURE/FUKO/nachala.txt

Фото: Александра Лагутина

Что же делает современное искусство современным? Видимо, озабоченность собственной современностью

из множества вопросов, которые могут быть поставлены, оно выбрало именно этот как привилегированный. Это утверждение может показаться чем-то самоочевидным, но как раз эта самоочевидность и мешает как следует промыслить ситуацию. Трудно представить, чтобы средневековое искусство задавалось вопросом о собственной «средневековости». Что же обуславливает ставку на историзацию, как процедуру, способную что-то сущностное об искусстве сказать? Почему вообще дихотомия современное/несовременное кажется нам более современной, чем дихотомия высокое/низкое или подлинное/неподлинное?

Смысл современности локализован не в ответе, а в вопросе. Однако такая теоретизация опасна для искусства, ведь это означает необязательность искусства перед современностью как моментом истории: от ответа на поставленный вопрос ничего не зависит, любой ответ сгодится, ответ вообще не нужен. Но производительная способность искусства в другом. Ответ нужен как то, что будет конституировать вопрос. Современное искусство пытается выхватить из многообразия реальности сущностную черту современности, то, чего на самом деле там нет. Эта черта локализована в том конкретном выхватывающем художественном высказывании, которое до своего завершения частью этой реальности не является. Однако самим своим завершением высказывание дополняет действительность, то есть реальность создается буквально на месте пустоты, на том месте, где не было ничего. Другими словами, искусство ищет то, чего *нет*, и, таким образом, то, что оно ищет, в результате поиска *начинает быть*. Репрезентация оборачивается экспликацией, а она, в свою очередь, — творением ex nihilo.

До этого говорилось о таком художественном высказывании, которое имеет теоретическую и производительную стороны. Но каким образом соотносятся две эти стратегии переживания современности? Предположим их функционирование в чистом виде, без пересечений друг с другом.

Поглощенное теорией художественное высказывание знает, что не имеет доступа к реальности и ни о чем ином, кроме как о собственной кастрации, говорить не может.

Будучи наделено истиной, оно захлебывается в необязательности, разрывается между молчанием и болтовней. Оно приковано взглядом к непредставимой реальности, но теряет доступ к ее производству. Производительная стратегия в чистом виде представляет другую крайность, которая повторяет структуру перверсии. Искусство ослеплено ошибочным знанием о реальности, но при этом продуктивно производит реальность по образу и подобию своего фантазма.

Трудно найти в современном искусстве пример художественного высказывания, которое бы целиком реализовывало только одну стратегию. Держаться установки современности означает в одном художественном жесте содержать и особое внимание к реальности, и ее переконфигурацию. Обе они реализуются ценой заключения в самом ядре современного искусства противоречия, как способа следовать двум стратегиям сразу. Противоречие заключается в наличии творческой *необходимости* репрезентации и, одновременно, — знания о *невозможности* репрезентации. Удерживать противоречие означает для искусства удерживать истину, а кроме того — пройти испытание современностью. Вообще говоря, это *современная* форма старой доброй диалектики пустоты и материи, сдерживания и движения, тишины и звука.

Одна из тактик удержания противоречия может быть выражена через метафору «исключения и возвращения». «Исключение» следует понимать мифологически: из реальности было изъято то, что является ее неизымаемой частью. При этом это изъятие произошло так, что все многочисленные следы изъятия станут заметны только после возвращения. «Возвращение» следует понимать практически — это и значит создавать современность через искусство. Произведение искусства является объектом, *возвращенным* в реальность.

В таком режиме искусство действует так же, как политика. Это не означает политизации искусства (хотя может в политизации выражаться). Скорее так: современность обуславливает такой режим функционирования искусства, при котором оно работает так же, как политика.

Фото: Александра Лагутина

Современное искусство пытается выхватить из многообразия реальности сущностную черту современности, то, чего на самом деле там нет

Фото: Тарас Тарналицкий

ЖЕНСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ
в белорусском контексте

ЮЛИЯ МИРОНОВА,
культуролог

Понятие солидарность сегодня используется весьма часто. Более того, оно становится все более политически ангажированным, мы постоянно слышим из СМИ, что то или иное действие, в особенности на международной политической арене, мотивировано именно проявлением солидарности. Существует даже одноименная политическая партия в Украине.

Такое же понятие, как женская солидарность, можно назвать достаточно бытовым, его часто используют в повседневной жизни, однако в значении более шуточном, подразумевая его «отсутствие». В нашем обществе принято считать, что мужчины намного лучше умеют солидаризироваться, дружить, подавать друг другу руку помощи. Считается, что в мужском коллективе все всегда честнее, добрее, в то время как в женском, якобы, обязательно присутствуют сплетни, борьба, «стервозность». Действительно ли женская солидарность невозможна или маловероятна, и есть основной вопрос, поднимаемый в данном эссе.

СОЛИДАРНОСТЬ И «ЖЕНСКАЯ СУЩНОСТЬ»

Обращаясь к философской трактовке и исследованию феномена солидарности, важно отметить, что традиционалистское, эссенциалистское понимание солидарности здесь не рассматривается и исключается. Хотя его и любят использовать ультра-правые, например, объясняющие все вопросы с позиции природы человека.

Ричард Рорти в своей книге «Случайность, ирония и солидарность» выступает против аргумента, что «есть нечто внутри каждого из нас — собственно *человеческое* — резонирующее на

[1] Р. Рорти. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. – С. 240.

Фото: Ольга Романова

Принято считать, что мужчины намного лучше умеют солидаризироваться, дружить, подавать друг другу руку помощи

присутствие того же самого в других людях»[1]. Философ настаивает на том, что возможность проявлять солидарность очень сильно детерминирована и зависит от «исторических обстоятельств и временного консенсуса по поводу нормальных установок, справедливости или несправедливости каких-то практик»[2]. Таким образом, применяя эти определения к рассматриваемой проблеме, мы обнаруживаем, что женская солидарность и то состояние, в котором она сейчас находится, являются результатом исторических перипетий, связанных с «женским вопросом» (с ущемлением прав женщин как в частной, так и в публичной сфере, в разной степени и в различные исторические периоды), а также неразрывно связаны с социальными установками и практиками, существующими в обществе.

Симона де Бовуар в своей книге «Второй пол» выдвигает идеи, достаточно схожие с тем, что пишет Рорти, относительно отсутствия природного, естественного в человеческом бытии; однако ее волнует солидарность в конкретной форме — с позиции женщин. Де Бовуар исходит из того факта, что женщины не солидарны друг к другу, и вот почему: «они живут, рассеянные среди мужчин, и жильем, работой, экономическими интересами, социальным происхождением оказываются теснее связанными с некоторыми мужчинами — будь то отец или муж, — чем с остальными женщинами. Жены буржуа солидарны с буржуа, а не с женами пролетариев; белые женщины — с белыми мужчинами, а не счерными женщинами... Связь, существующая между ней и ее угнетателями, ни с чем не сравнима»[3]. Ключевым понятием здесь является «рассеяность». Женщины находятся в настолько крепкой связи с мужчинами (мужьями) и настолько рассеянны, разъединены в связи с этим по отношению друг к другу, что им сложно образовать полноценное сообщество, члены которого будут проявлять друг к другу солидарность. В силу социальных и культурных предпосылок, таких как социализация, принадлежность к определенной культуре, классу, женщине куда более привычно проявлять солидарность к мужчине своего окружения, нежели к женщине «вообще».

[2] Там же.
[3] С. де Бовуар. Второй пол. М.: АО «Прогресс»; СПб.: Алетейя, 1997. – С. 31.

Фото: Александра Лагутина

Симону де Бовуар в своей книге «Второй пол» волнует солидарность в конкретной форме – с позиции женщин

Это утверждение справедливо, и такая ситуация сохранялась до недавнего времени, и, в большинстве случаев, никуда не не делась сегодня. Однако, стоит заметить, что за последние 100 лет ситуация в обществе (в большей степени, конечно, европейском) значительно поменялась. В какой-то стране больше, в какой-то меньше, женщины эмансипировались и обрели те свободы, о которых ранее даже не задумывались. Не смотря на существующие до сих пор достаточно консервативные, традиционалистские установки в большинстве постсоветских обществ, современная женщина может выбирать, в каких отношениях ей состоять/не состоять с другим человеком, получать высшее образование, строить карьеру, участвовать в политических процессах или нет (наличие всех этих свобод, конечно, можно оспаривать и ставить под сомнение с точки зрения различных форм дискриминации в перечисленных сферах, но в данной работе это не является объектом пристального изучения; важен сам факт новых возможностей).

Таким образом, за последние 100 лет женщина обрела ключевую и основополагающую возможность, меняющую отношения как между женщинами и мужчинами, так и между женщинами и женщинами, — это выход в публичное пространство. Сегодня женщины являются членами различных сообществ, объединенных по разным признакам, а не только членами своих семей. И теперь, возвращаясь к солидарности, спросим: возможно ли женщинам взаимодействовать с другими женщинами в каких бы то ни было сообществах, не испытывая при этом солидарности? Для меня ответ очевиден — невозможно. Утверждение, что женской солидарности нет, и что современные женщины, вышедшие в публичное пространство, не могут в рамках определенного сообщества испытывать солидарность друг другу, для меня ошибочно и прямиком отсылает к пресловутой «женской сущности», которой не существует.

СЛУЧАЙ СОЛИДАРИЗАЦИЯ БЕЛОРУССКИХ ЖЕНЩИН ВОКРУГ ВОПРОСА ОБ УРЕЗАНИИ ПОСОБИЙ

Для того, чтобы подтвердить вышесказанное, обратимся к живому примеру из наших, белорусских реалий. С начала 2013 в силу вступил закон «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей».
В соответствии с ним, пособие по уходу за ребенком до 3-х лет теперь насчитывается относительно средней заработной платы по стране и составляет чуть больше 1 400 000 рублей. Также в законе появилось ограничение, которого раньше не было: ремесленники, ИП, адвокаты и нотариусы получают только 50% от суммы пособия, а мамы детей-инвалидов вовсе лишаются права получать пособие, если они являются ремесленниками. Отсюда также следует, что получать пособие в полном объеме, согласно этому закону, могли только те предпринимательницы, которые так или иначе отказались от ведения своей деятельности или официально заявили о таком намерении[4]. Получается, работающие и платящие налоги женщины, стремящиеся прокормить себя и своего ребенка самостоятельно, оказались в дискриминируемом положении. Думали ли авторы данного закона, что работать, находясь в отпуске по уходу за ребенком, не так уж и просто, а значит, женщина решается на это не от хорошей жизни? Кроме того, такой доход, в особенности за ремесленничество, достаточно непостоянный и символический.

[4] ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 29 декабря 2012 г. N 7-З О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОСОБИЯХ СЕМЬЯМ, ВОСПИТЫВАЮЩИМ ДЕТЕЙ // http://ssf.gov.by/priside/payment_pension/norm_doc/lawp/~page__m17=1~news__m17=551

Не согласные с этим законом женщины солидаризируются и шаг за шагом начинают отстаивать свои права. Первым шагом становится обращение членов организации РОО «Перспектива» к главе белорусского правительства Михаилу Мясниковичу с просьбой внести в Конституционный суд предложение о проверке конституционности вышеуказанного закона в отношении индивидуальных предпринимателей. В письме подчеркивается, что выделение предпринимателей в данном законе является дискриминацией[5]. Затем инициативная группа женщин обращается за разъяснением в Министерство труда и соцзащиты. Разъяснение подтверждает, что для получения пособия в размере 100% необходимо полностью остановить деятельность и отказаться от лицензии[6]. Женщины начинают сбор подписей на глобальной платформе Change.org под петицией «Измените закон РБ «О гос. пособиях семьям, воспитывающим детей»: верните детские пособия!»[7]. Петиция написана очень эмоционально и затрагивает различные аспекты, связанные с трудностями материнства. Акстивисткам удается собрать за несколько месяцев 5000 подписей (сейчас у петиции 11 375 подписчиков) и направить петицию вместе с собранными подписями Национальному собранию Республики Беларусь — Палате представителей, а также Администрации Президента и Министерству труда и социальной защиты Республики Беларусь. Благодаря сплоченности и совместным усилиям женщин выходит указ № 462 «О некоторых вопросах назначения и выплаты государственных пособий семьям, воспитывающим детей», в соответствии с которым женщина теперь может сама выбрать: работа и 50% пособия либо социальный отпуск с полным сохранением выплаты[8]. Таким образом, объединенные общей проблемой, затрагивающей конкретные аспекты жизни, связанные с трудом, уровнем жизни и социальной ролью матери, женщины смогли не только объединиться, но и добиться конкретных результатов.

Думаю, серьезную роль в случае данной инициативы сыграло то самое

Современные женщины обрели основополагающую возможность, меняющую взаимоотношения как с мужчинами, так и с женщинами – выход в публичное пространство

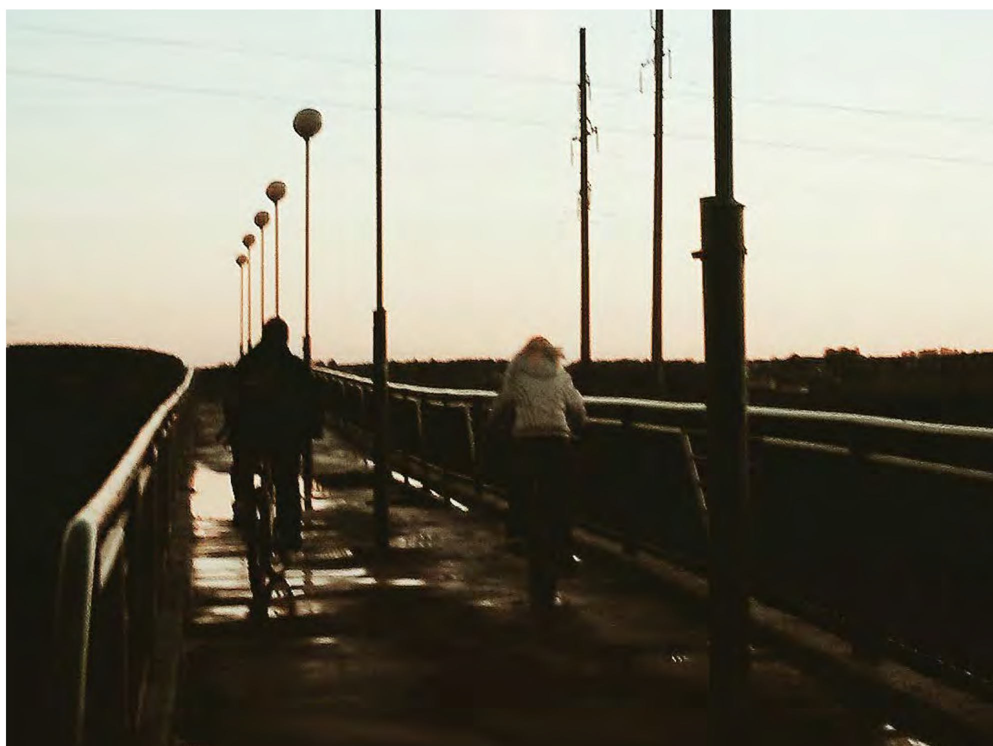

Фото: Кристина Грекова

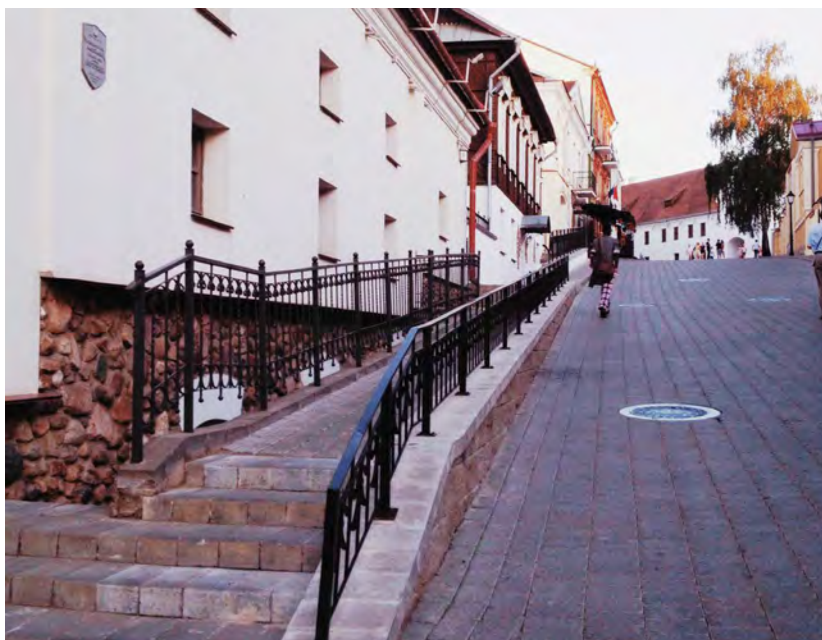
[5] Экономят на матерях-предпринимателях // http://www.perspektyva.org/news/nashi_novosti/6646.html

[6] Подробное разъяснение от Минтруда и соцзащиты // http://www.interfax.by/article/98904

[7] Измените закон РБ «О гос. пособиях семьям, воспитывающим детей»: верните детские пособия! // https://www.change.org/p/измените-закон-рб-о-гос-пособиях-семьям-воспитывающим-детей-верните-детские-пособия

[8] Указ Президента Республики Беларусь от 09.10.2013 №462 «О некоторых вопросах назначения и выплаты государственных пособий семьям, воспитывающим детей» // http://pravo.newsby.org/belarus/ukaz0/uk035.htm

Фото: Юлия Миронова

более данная ситуация имела достаточно широкий общественный резонанс. Соответственно, реакция последовала довольно быстро.

Можно также сделать вывод о том, что, если женщины объединяться и будут пытаться отстаивать свою позицию по ряду других вопросов — дискриминации на рабочем месте, насилия в семье и т.д. и т.п., — реакция, скорей всего, не будет столь быстрой, если последует вообще. Многое зависит от того, насколько поднимаемая проблема вписывается в социальную и демографическую политику государства, а также отвечает официальной идеологии в целом. Однако, это никак не отменяет самого факта солидаризации женщин и отстаивания ими своей позиции. Тем не менее, успех такого рода предприятия чаще всего напрямую зависит в нашей стране от политики государства.

Думали ли авторы данного закона, что работать, находясь в отпуске по уходу за ребенком, не так уж и просто?

материнство, к которому государство всячески стимулирует женщин. К примеру, 2006 год был объявлен годом матери, а материнство провозглашено основой семьи и государственности: *«Государственная политика Республики Беларусь в отношении семьи и детей — главный социальный приоритет, направленный на обеспечение достойного существования семьи, прав детей на полноценное развитие, социализацию и семейное окружение, на создание необходимых условий для осуществления семьей ее основных функций»*[8]. Кроме того, в Беларуси существует целый ряд нормативно-правовых документов, регулирующих вопросы в сфере семьи и материнства, в числе которых: Основные направления государственной семейной политики, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, Трудовой кодекс Республики Беларусь, законы Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» и другие. Таким образом, трудно представить, чтобы в государстве, называющем себя социальным и всячески стимулирующем рост рождаемости, а соответственно и материнство, были ущемлены права матерей. Тем

Описанная ситуация может служить живым доказательством того, что в современном белорусском обществе можно говорить о женской солидарности не в шутку, а всерьез, не смотря на различные сложности, связанные с проводимой государством политикой и идеологией. Это не значит, что все без исключения женщины солидаризируются и стремятся проявлять себя как активные члены определенной группы. Играют роль и патриархальные корни нашего общества, и воспитание и социализация, не позволяющие женщинам самостоятельно осознать многие из своих возможностей, а иногда даже толкающие их к отказу от этих самых возможностей. Однако эти корни связаны не с природой женщины, а с социальными и историческими предпосылками, которые нам необходимо преодолеть. И женской солидарности, конечно, быть.

[8] Информационный материал N5 (30). Материнство – основа семьи и государственности. – Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь, – Минск, 2006 // http://www.bps-sberbank.by/site/bpsb.nsf/2b45f18ac48fb6d3c2256d24003d4425/52fa25313ea350f4c22572540048134a/$FILE/mama.doc

МАССОВЫЕ ИЗНАСИЛОВАНИЯ
во время военных действий

НАТАЛЬЯ РОЖКО,
финансовый аналитик
в ИООО ЭПАМ Системз,
сфера интересов:
психология,
история, гендерные
исследования

Массовые изнасилования прочно вшиты в женские истории военных лет. Утверждение «война спишет все» дает карт-бланш на насилие разного рода в отношении противника. Основной целью насильственных действий является не просто уничтожение противника, но и его деморализация, унижение достоинства и ослабление боевого духа. Война порождает ужас и хаос, подменяет понятия справедливости, уничтожает понятие сострадания. Ощущение безнаказанности и необходимость жить сегодняшним днем ломают барьеры морали.

В условиях войны уязвимость женщины возрастает, так как она в большинстве случаев не принимает активного участия в военных действиях. Она дискредитируется как объект, не обладающий силой, возможностью влиять на события, и становится предметом определения превосходства сил участников. На войне женщина в большинстве случаев воспринимается «своими» как средство удовлетворения низших мужских потребностей, обслуживающий персонал, а врагами — как средство унижения противника, как его собственность. Изнасилование становится своеобразным знаком господства над врагом, вводится в стратегию войны как средство устрашения.

Примечательно, что найти источники, где бы давалось четкое определение термину «массовые изнасилования» либо «военные изнасилования» сложно. Безусловно, в военных и исторических документах, так или иначе, фиксировались факты сексуального насилия в ряду всех прочих преступлений, однако долгое время они не обсуждались и не освещались в публичном дискурсе, замалчивались либо преуменьшались.

В условиях войны уязвимость женщины возрастает, так как она в большинстве случаев не принимает активного участия в военных действиях

Фото: Тарас Тарналицкий

Массовые военные изнасилования представляют собой коллективное действие, в ходе которого насильником утверждается собственная власть, а также ментальное удовлетворение от принадлежности к статусу «настоящих мужчин»[1]. Отличительными чертами массового изнасилования помимо особой жестокости в военное время являются: публичность, групповой характер насилия, цель изнасилования (унижение, ощущение власти, а не удовлетворение сексуальных потребностей). Эффект психологического заражения и сопричастности усиливается в мужских солдатских сообществах. Акт группового изнасилования становится актом солидаризации между насильниками, в котором женщина выступает «наградой» во славу победителей. И, конечно, женщина врага, как его собственность, становится более привлекательной «добычей» для такого «обряда жертвоприношения богам войны».

Поэтому практически ни один военный конфликт не обходится без сексуального насилия. Массовые изнасилования имели место во время Второй мировой войны, во время военных конфликтов в Боснии, Кувейте, Индонезии. О массовых изнасилованиях по-прежнему сообщают из зон конфликта, таких как Демократическая Республика Конго, Уганда и Сомали.

Данные о числе изнасилованных во время военных действий всегда разняться в зависимости от источника, но массовые изнасилования являются вопиющими по своему масштабу. Во время Второй мировой войны, количество жертв на территории, оккупированной советскими войсками, насчитывается, по некоторым данным, от одного до двух миллионов[2]. Это одна из самых чувствительных тем истории Второй мировой войне, вокруг которой до сих пор идут споры исследователей, начатые историком Энтони Бивором (поднявшим проблему поведения советских оккупационных частей[3]) и продолженные теми, кто стал обращать внимание на поведение и других частей армий союзников в Германии в период завершения Второй мировой войны[4].

[1] Елена Мещеркина. Массовые изнасилования как часть военного этоса // «Гендерные исследования» №6 2001. с. 255-258.

[2] Dagmar Herzog. Sex after Fascism. Memory and Morality in Twentieth-Century Germany. Princeton University Press, 2005. P. 68-69 (об американцах) и P. 189 (о советской зоне), со ссылками также на John Willoughby. The Sexual Behavior of American GIs during the Early Years of the Occupation of Germany. // Journal of Military History 62 (Jan. 1998), p.160; R. Joseph & W. Root. Why So Many GIs Like the Germans Best. // Reader's Digest 48, no.287 (March 1946), pp. 6-7

[3] Энтони Бивор. Российские историки отвергают факты // http://snob.ru/selected/entry/37318?v=1437564368

[4] Postwar Rape: Were Americans As Bad as the Soviets? // http://www.spiegel.de/international/germany/book-claims-us-soldiers-raped-190-000-german-women-post-wwii-a-1021298.html

Согласно исследованию ученых США, в Демократической Республике Конго ежедневно насилуют более тысячи женщин. По статистическим выкладкам, опубликованным в научном издании The American Journal of Public Health, только за 12 месяцев в период с 2006-го по 2007 г. в Конго подверглись сексуальному насилию 400 тысяч женщин. В среднем каждая 29-я женщина в стране хотя бы раз была изнасилована. В обширных лесах этой страны от властей скрываются тысячи боевиков, которые регулярно нападают на мирное население. По мнению наблюдателей, они насилуют женщин с целью разрушить общественные связи между конголезцами[5].

Число пострадавших от изнасилований женщин во время Боснийской войны оценивают от 20 до 50 тыс.[6]. Ситуация с изнасилованиями в ходе этого конфликта была настолько вопиющей, что стала поводом для внесения Советом Безопасности ООН в устав международного трибунала нового параграфа (№ 48), ведь ранее в законодательных документах вопросы сексуального насилия в ходе военных действий долгое время не выделялись в отдельную проблематику, специально не фиксировались и не расследовались.

Впервые обвинительное заключение по массовому изнасилованию во время военных действий было оглашено в июне 1996 года Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии[7]. Восемь военнослужащих сербской Армии Боснии были осуждены за порабощение и изнасилование женщин-мусульманок в городе Фоджа в Восточной Боснии в 1992 и 1993 годах[8].

Поруганная женская честь (пускай даже многократно и с особой жесткостью, повлекшая за собой ужасные муки жертвы) все равно не воспринимается сообществом так же остро, как смерть. У многих в нашем современном обществе ужасающие факты массовых изнасилований на войне не вызывают особого сострадания или ужаса, и фразой «ну их же не убивали» человечество отмахивается от рефлексии по этому поводу. Хотя, на самом деле зачастую жестокое изнасилование сопровождалось смертью, а наряду с почестями мужчине как доблестно павшему в бою, женщине достается отвращение, унижение и отношение как к «проститутке» и использованной вещи.

Найти источники, где бы давалось четкое определение термину «массовые изнасилования» либо «военные изнасилования» сложно

Фото: Тарас Тарналицкий

[5] Раиса Осадчая. Названо самое опасное для женщин место на Земле [Электронный ресурс] // Сайт издания «Утро». URL: http://www.utro.ru/articles/2011/05/12/973728.shtml

[6] Diken B., Laustusen C. The Culture Of Exception. — P. 102.

[7] Рабжаева М.В. Сексуальное насилие в современных войнах под углом зрения феминистской методологии. // Социальный кризис и социальная катастрофа. / Сборник материалов конференции Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2002 С.238-242.

[8] Энциклопедия зверства. О книге «Военные преступления. Это надо знать всем» [Электронный ресурс] // Сайт общества «Мемориал». URL: http://www.memo.ru/about/bull/b25/50.htm

ПРАВО ЖЕНЩИН на собственное тело в романе Маргарет Этвуд «Рассказ служанки»

АНАСТАСИЯ ТАРАСЕВИЧ,
программист, окончила БНТУ, факультет информационных технологий и робототехники

Краткие биографические сведения о Маргарет Этвуд можно обнаружить в аннотациях ряда интернет-библиотек.

«Этвуд, Маргарет Элинор (р. 1939), канадская писательница, критик. Одна из ведущих фигур на мировой литературной арене, ее произведения переведены более чем на 20 языков. При том, что героинями Этвуд являются женщины, темы ее произведений универсальны: упущенные возможности, не сложившиеся отношения, призраки прошлого в настоящем, неведение и непонимание, усложняющие бытие людей. Ее книги обращены к современным спорным вопросам, таким как: феминизм, сексуальная политика, судьба Канады и канадской литературы, а также характер массового общества.

С восторгом встреченный критикой, первый ее роман, Лакомый кусочек (The Edible Woman, 1969), продемонстрировал способность воссоздать внешнюю сторону жизни современной женщины. Ее героиня («лакомый кусочек») ощущает себя жертвой, воплощая собой «среднюю женщину», которую общество потребления воспринимает как безликую вещь.

В начале 1970-х годов Этвуд активно участвовала в возрождении канадской литературы, будучи редактором издательства «Ананси пресс» и политическим карикатуристом в левом журнале «Зис мэгэзин».

Общественно-политическая деятельность Этвуд на посту вице-председателя Канадской ассоциации писателей (1980), президента англо-канадского национального ПЕН-центра (1984—1986)

и члена организации «Международная амнистия» обусловила ее участие в 1980-е годы в борьбе с тоталитаризмом и цензурой на международном уровне.

В 1985 вышел из печати самый знаменитый роман Этвуд «Рассказ служанки». Отклики прессы были единодушно восторженными. Подобно романам «О дивный новый мир» (Brave New World) О.Хаксли и «1984» Дж.Оруэлла, книга стала классикой современной литературы. Затрудняясь обозначить ее жанр, ее рассматривали как «фэнтези» на тему будущего, сказку-предостережение, феминистский трактат. Книга, рисующая кошмарную патриархальную теократию, созданную мужчинами при содействии женщин и лишающую свободы тех и других, отвечая всем этим характеристикам, тем не менее, не исчерпывается ими»[1].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ В РОМАНЕ «РАССКАЗ СЛУЖАНКИ»

В дивном новом мире женщины не имеют права владеть собственностью, работать, любить, читать и писать. Они не могут бегать по утрам, устраивать пикники и вечеринки, им запрещено вторично выходить замуж. Им оставлена лишь одна функция.

Фредова — Служанка. Один раз в день она может выйти за покупками, но ни разговаривать, ни вспоминать ей не положено. Раз в месяц она встречается со своим хозяином — Командором — и молится, чтобы от их соития получился здоровый ребенок. Потому что в дивном новом мире победившего христианского фундаментализма Служанка — всего-навсего сосуд воспроизводства. В своем эссе я исследую механизмы контроля, или политики, с помощью которых происходило отчуждение женщин от собственного тела и, в конечном счете, приведшие к полному лишению прав женщин на свое тело. В качестве методологии я выбрала социальный конструктивизм, и в ходе рассуждения буду опираться на ряд идей Э. Гоффмана, Д. Батлер, Х. Арендт, М. Фуко.

Роман «Рассказ служанки» является, фактически, одной из первых феминистских антиутопией, в которой женщина рассматривается не как некий дополнительный персонаж, а как главный, пусть и пассивный, субъект. Политики контроля, доведенные до наивысшей точки, полностью подчиняют женщин и низводят их субъектность/субъективность до физиологии. С помощью каких способов контроля стало возможно такое подчинение? Далее я постараюсь ответить на этот вопрос.

СПОСОБЫ КОНТРОЛЯ И УПРАВЛЕНИЯ ЖЕНСКИМ ТЕЛОМ

Интерпретируя Ханну Арендт, Джудит Батлер напоминает, что, согласно Арендт, сферы приватного и публичного поделены в обществе по гендерному признаку — сфера приватного, или пассивного, отдается женщинам, публичного, или активного, — мужчинам[2]. Тело мужчины присутствует в публичной сфере как сильное, независимое, участвующее в политике, в то время как тело женщины — слабое, аполитичное, пригодное лишь для репродуктивного труда. В романе Этвуд такое разделение является центральным в новом мире Галаад, интеллектуальной основой которого является христианский фундаментализм.

Фото: Александра Лагутина

[1] Биография Маргарет Этвуд // http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/ETVUD_MARGARET_ELINOR.html.

[2] Джудит Батлер «Тела на улице «Союз тел и Политика Улицы»» // http://s357a.blogspot.com/2011/12/blog-post.html.

Кадр из фильма «История служанки» (реж. Ф. Шлендорф, 1989)

В своем эссе я исследую механизмы контроля, или политики, с помощью которых происходило отчуждение женщин от собственного тела

Далее я попытаюсь выявить те политики тела, которые были введены правящим слоем для управления женским телом. Их часто нельзя четко выделить, так как одна вытекает из другой и порождает третью, поэтому все они тесно переплетены между собой.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕПРОДУКТИВНАЯ ПОЛИТИКА

Теперь желанны все дети — таков лозунг нового государства. *Только не всем желанны* — добавляет Служанка в своих мыслях, и это дополнение четко прорисовывает ситуацию.

Главной функцией женщин в «Рассказе служанки» является репродуктивная функция. По признаку фертильности все женщины в стране поделены на две условные категории — пригодные для деторождения и непригодные. В категории непригодных есть несколько групп — Жены, Тетки. В категории пригодных, собственно, Служанки. Чтобы стать Служанкой, женщине необходимо доказать свою пригодность, родив как минимум одного здорового ребенка, а также проходить плановые медицинские проверки. Пригодных женщин содержали в специальных домах, в которых надзор осуществляли Тетки. По запросу какого-нибудь представителя власти Служанка отправлялась в его дом с единственной целью — зачать от него и родить здорового ребенка.

Политика государства основывается на христианстве, причем истолковывается оно абсолютно прямолинейно, буквально, или же в соответствии с нужным смыслом.

Эпиграфом к книге служат строки из книги «Бытие»:

И увидела Рахиль, что она не рождает детей Иакову, и позавидовала Рахиль сестре своей, и сказала Иакову: дай мне детей, а если не так, я умираю. Иаков разгневался на Рахиль и сказал: разве я Бог, Который не дал тебе плода чрева? Она сказала: вот служанка моя Валла; войди к ней; пусть она родит на колени мои, чтобы и я имела детей от нее. Бытие, 30:1—3

Интерпретация данного отрывка прямо говорит о том, что есть женщины, способные к деторождению, которые должны служить благой цели для всех остальных людей, не имеющих такой возможности.

ПОЛИТИКА «ЗДОРОВОГО» ТЕЛА

Здоровье Служанки находится под постоянным контролем, но только в перспективе рождения здорового ребенка. Служанки должны правильно питаться, делать физические упражнения, вовремя ложиться спать и не иметь вредных привычек.

Приличная еда, хоть и безвкусная. Здоровая пища. Вам необходимы витамины и минералы, жеманно говорила Тетка Лидия. Вы должны быть достойным сосудом. Кофе нельзя, чай нельзя, алкоголь тоже. Проводились исследования.

Меня возят к врачу раз в месяц на анализы: моча, гормоны, мазок на онкологию, анализ крови; все как прежде, только теперь это обязательно.

В то же время, те органы, которые не нужны для зачатия и рождения ребенка, могли быть подвержены насилию:

Ее отвели в комнату <…> Потом она неделю не могла ходить, ноги так

распухли, что не влезали в туфли. Они всегда начинали с ног — за первый проступок. Стальными проводами, разлохмаченными на концах. Потом руки. Им плевать, что будет с твоими руками и ногами, пускай даже и навсегда. Не забывайте, говорила Тетка Лидия. Для наших целей ваши руки и ноги не важны.

Я натираю маслом лицо, втираю в руки. Крема для рук или для лица больше не бывает — по крайней мере, для нас. Кремы объявлены тщетой. Мы — контейнеры, важны только наши внутренности. Наружность может задубеть и сморщиться, как ореховая скорлупка, — им наплевать.

В Служанке важна только матка, только ее репродуктивная способность. Тело женщины рассматривается как набор нужных органов, все остальное игнорируется за ненадобностью.

… любая настоящая болезнь, долгая, изнурительная, потеря веса или аппетита, выпадение волос, отказ желез, — и конец.

Марфы также обязаны быть здоровыми, потому как они — рабочая сила, которая не должна выходить из строя.

Что до нас, Служанок и даже Марф, мы болезней избегаем. Марфы не хотят, чтоб их выпихнули в отставку, ибо кто знает, куда потом? Старух теперь особо не видать.

Здоровье других женщин — Жен — мало интересовало правящие структуры. Так как они не были пригодны для деторождения, то могли делать со своим телом все что угодно, за их здоровьем не было никакого контроля, оно не имело никакого значения. Более того, Женам «позволялось» «болеть» в качестве развлечения.

Они часто болеют, эти Жены Командоров. Болезни разнообразят им жизнь. <…> Они болеют по очереди. Где-то есть распорядок, невидимый, необсуждаемый. Каждая старается не заграбастать больше внимания, чем ей положено.

Здоровье находится в центре внимания любой женщины в Галааде. Если для Марф и Служанок болеть недопустимо, то для Жен болезнь, или, точнее, ее имитация, становится своеобразным развлечением. Возможно, таким образом они хотят повысить важность своего тела в обществе, потому как вся медицинская сфера направлена на здоровье Служанок.

ПОЛИТИКА ОТНОСИТЕЛЬНО ГИГИЕНЫ И КОНТРАЦЕПТИВОВ

Женщина — «священный сосуд», миссия ее — продолжение рода. Тело женщины не является ее собственностью, оно находится в распоряжении у правящих партий, оно принадлежит всему обществу как самая главная ценность. Потому противозачаточные средства и аборты — вне закона,

Тело мужчины присутствует в публичной сфере как сильное, независимое, участвующее в политике, в то время как тело женщины – слабое, аполитичное, пригодное лишь для репродуктивного труда

Фото: Александра Лагутина

Фото: Александра Лагутина

Тело женщины рассматривается как набор нужных органов, все остальное игнорируется за ненадобностью

малейшее подозрение на использование контрацептивов могло привести к смертной казни.

Мужчины — в белых халатах, как ученые и врачи из прошлого. У каждого на шее плакат — надпись, за что казнены: изъятие человеческого зародыша. Значит, врачи из прежних времен, когда такие вещи были законны. <…> Эти люди, говорят нам, были все равно что военные преступники. Их не оправдывает то, что их занятия были тогда законны: их преступления ретроактивны.

Дискурс гигиены вхож в общий дискурс здоровья — поддержание тела в чистоте является обязательным правилом.

От колготок писька сгниет, говорила Мойра. Тетка Лидия ни за что бы не произнесла «писька сгниет». Негигиенично, вот что она говорила. Хотела, чтобы все было очень гигиенично.

В то же время, гигиенические процедуры и принятие ванны — это чуть ли не единственное занятие, во время которого Служанка могла побыть одна, в более расслабленном состоянии.

Ванная — возле спальни. <…> Кора сидит на стуле в коридоре, следит, чтобы никто больше не вошел.

В ванной, в ванне, вы ранимы, говорила Тетка Лидия. Чем — не говорила. Ванна — предписание, но она же и роскошь.

Более того, само нахождение в ванной или в туалете ассоциируется с прошлым, обыденным и домашним. Понимание того, что некоторые функции организма неизменны, дают определенную долю обладания своим телом, хотя бы в таком ключе.

Я вдыхаю запах мыла, запах дезинфекции, и стою в белой ванной, слушая, как где-то журчат краны, сливается вода в унитазах. Странным образом мне уютно, я дома. В туалетах есть что-то утешительное. Хотя бы функции организма остались демократичны. Все на свете срут, как выразилась бы Мойра.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЬИ И МАТЕРИНСТВА

Во времена, описываемые в романе, рождение здорового ребенка является главнейшей целью не только отношений между мужчиной и женщиной, но и в целом функционирования всего общества. Соответственно, будущая мать — главный объект опеки и заботы государства. Но именно объект. Как было показано ранее, женщина представляла собой ценность, только если была способна к деторождению.

Симона де Бовуар говорила, что «именно в материнстве женщина реализуется полностью физиологически. Принято считать, что это ее «природное» предназначение, поскольку весь ее организм настроен на продолжение рода. Но мы уже говорили о том, что жизнь человеческого общества не определяется законами природы»[3]. В «Рассказе служанки», посредством принуди-

тельного акта зачатия и возможного материнства, женщина теряет контроль над своим телом, она не может управлять своей судьбой и материнство является для нее одновременно и унижением, и спасением.

Сведение женщины до уровня ее тела, ее физических способностей, породило «нездоровый» культ материнства. Женщина — всего лишь инкубатор, однако, чтобы нивелировать это, был создан миф о наивысшем предназначении — материнстве. Оно было окружено ореолом заботы, защиты и поддержки со стороны государства и любого члена общества. Такая политика противопоставлялась прежнему безразличному отношению к беременным или уже имевшим детей женщинам.

<…> *Потом, если они все-таки выходили замуж, их оставляли с ребенком, с двумя детьми, мужу все обрыдло, и он слинял, исчез, а они сидят на пособии.* <…> *Деньги для всех были единственной мерой ценности, женщин как матерей никто не уважал. Не удивительно, что они плевать хотели на материнство. А так они защищены, могут мирно осуществить свое биологическое предназначение. Их целиком поддерживают, им помогают.*

Понятие «семьи» изменило свое значение. Теперь официально семья могла быть только у представителей власти, высших кругов. Все прежние семьи были разрушены, а дети «поделены» и отданы на воспитание к более «благополучным» бездетным парам.

Режим мгновенно создал фонд таких [детородных] женщин простым тактическим ходом: он объявил все вторые браки и внебрачные связи прелюбодействoм, арестовал женщин и — на том основании, что они морально непригодны, — конфисковал уже имевшихся у них детей, которых усыновили бездетные пары из верхних эшелонов власти, мечтавшие о потомстве во что бы то ни стало.

Новые, «законные», семьи, могли быть построены только через посредничество и одобрение властей.

<…> *И вот двадцать дочерей, в белом, под вуалями, выступают вперед застенчиво, и матери держат их под локоток. Ныне матери, а не отцы, выдают дочерей и договариваются о браках. Браки, разумеется, договорные. Этим девочкам не позволяли остаться наедине с мужчиной долгие годы; все те годы, что мы все это проделываем. Достаточно ли они взрослые, помнят ли прежние времена*<…>*? Пусть*

В романе будущая мать – главный объект опеки и заботы государства. Но именно объект

Фото: Юлия Князь

[3] Симона де Бовуар. «Второй пол», Том 2 «Жизнь женщины» // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Bovuar/23.php

В романе, рождение здорового ребенка является главнейшей целью не только отношений между мужчиной и женщиной, но и в целом функционирования всего общества

некоторым не больше четырнадцати — отправляйте их пораньше, гласит правило, нельзя терять ни минуты, — они все равно помнят.

Семья сведена к одной простой функции — размножению. Нельзя терять ни минуты — в четырнадцать лет девочек выдают замуж, чтобы они поскорее забыли о своей прошлой жизни и приступили к выполнению своего долга — деторождению.

КОНТРОЛЬ НАД «ЧУВСТВЕННОЙ» И СЕКСУАЛЬНОЙ МОРАЛЬЮ

Что мы не учли? Любовь, сказала я. Любовь? сказал Командор. Какую любовь? Влюбленность, сказала я. Командор уставился на меня честными мальчишескими глазами. <…> Стоило оно того — влюбляться? Договорные браки всегда удавались не хуже, если не лучше.

Любовь, с омерзением говорила Тетка Лидия. Чтоб я такого не видела. Никакой маеты, девочки, забудьте эти первобытные джунгли. Грозя нам пальцем. Дело не в любви. <…> Мы лишь вернули жизнь к законам Природы.

Любовь, как и все другие «ненужные» чувства — дружба, забота о ближнем, уважение и многие другие, — исключена из дискурса государственной политики. Бывшие влюбленные объявлены дикарями, людьми, неспособными к логическому мышлению. Любовь — это фикция, от которой люди лишь страдали.

Кадр из фильма «История служанки»

Теперь люди механизированы. Механически совершается половой акт, механически встречаются и идут за покупками женщины, механически принимается ребенок на воспитание.

Здесь ни при чем страсть, любовь, романтика, любые понятия, которыми когда-то мы щекотали себе нервы. Ни при чем желание <…>. Возбуждение и оргазм более не считаются обязательными; они будут просто симптомом несерьезности, как фривольные подвязки или мушки: они — излишний повод отвлечься для легкомысленных. Устарели.

Секс и удовольствие в привычном понимании также исчезли. На их место пришел долг, который нужно исполнять без отвлечения на «несерьезные» вещи.

ЛИШЕНИЕ «ПРИВАТНОГО»

Эрвинг Гофман считал, что посредством телесной активности человек проявляет свою принадлежность к определенному социальному классу и вступает во взаимодействие с различными аспектами социального окружения и изменяет их. Телесность формируется как набор практик, которые репрезентируются как в политической, так и в обыденной жизни. Если загнать человека в контролируемые рамки, исключить любое активное участие в построении своей жизни, человек теряет связь с происходящим в обществе и низводится до ежедневных рутинных действий.

Лишение «приватного» прослеживается во всех аспектах жизни Служа-

нок. Поскольку они являются главным достоянием общественности, их включают в новую систему — безликую массу без имен, вещей, личного пространства, без прав и без чувств. Служанка всегда принадлежит кому-то, она всегда чей-то объект. Это отражается в первую очередь в ее имени и одеянии.

Меня зовут не Фредова, у меня другое имя, которым меня теперь никто не зовет: запрещено. Я говорю себе, что это не важно, имя — как телефонный номер, полезно только окружающим; но то, что я себе говорю, — неверно, имя важно.

«Фредова» <...> лишь фамилия, составленная из имени джентльмена и притяжательного суффикса. Такие имена принимались этими женщинами при поступлении в дом конкретного Командора и оставлялись при уходе из этого дома.

Одежда, которая якобы должна защищать Служанок, сковывает их, словно тюремная роба. Красный цвет опять же низводит женщину до ее тела, он кричит о ее физиологии.

Я встаю со стула, выдвигаю на солнце ноги в красных туфлях без каблука — поберечь позвоночник, не для танцев. Красные перчатки валяются на кровати. Беру их, натягиваю палец за пальцем. Все, кроме крылышек вокруг лица, красное: цвет крови, что нас определяет. Свободная юбка по щиколотку собирается под плоской кокеткой, которая обхватывает грудь; пышные рукава. Белые крылышки тоже обязательны: дабы мы не видели, дабы не видели нас.

Находясь все время в таком «скафандре», прячась ото всех, скрывая свое лицо и тело, женщина забывает, как она выглядит без одежды. Происходит отчуждение от своего тела как посредством сокрытия его с помощью одежды, так и посредством всех механизмов обозначения единственной его цели.

Моя нагота мне уже странна. Тело будто устарелое. Неужто я носила купальники на пляже? Носила и не задумывалась, и при мужчинах, и не переживала, что мои ноги, мои руки, спина и бедра на виду, выставляются напоказ. Постыдно, нескромно. Я стараюсь не смотреть на свое тело – не потому, что оно постыдно или нескромно, но потому, что не хочу его видеть. Не хочу смотреть на то, что так всецело меня обозначает.

Контроль над Служанками осуществляется, помимо всех властных структур, еще и другими такими же Служанками, Марфами, Женами, Тетками. Когда индивиды не могут доверять друг другу, создается напряженная ситуация, где каждый будет вести себя «правильно», так, чтобы о нем никто ничего не заподозрил и не донес. Неповиновение может грозить смертной казнью, поэтому все присматривают друг за другом, таким образом защищая и себя.

Мы вместе идем мимо больших домов к центру. Нам разрешается туда ходить только парами. Якобы ради нашей безопасности, хотя это абсурд: мы и так прекрасно защищены. Правда же такова: она шпионит за мной, а я за ней. Если одна ускользнет из

Фото: Александра Лагутина

Все прежние семьи были разрушены, а дети «поделены» и отданы на воспитание к более «благополучным» бездетным парам

Кадр из фильма «История служанки»

Фото: Александра Лагутина

Находясь все время в таком «скафандре», прячась ото всех, скрывая свое лицо и тело, женщина забывает, как она выглядит без одежды.

сетей из-за того, что случится в одну из наших ежедневных прогулок, расплачиваться будет другая.

<…> лучший и наиболее рентабельный контроль над женщинами во имя репродуктивных и прочих целей должен осуществляться через женщин. Тому имеется множество исторических прецедентов; вообще говоря, ни одна империя, созданная насильно или ненасильственно, не была лишена этого свойства — контроля над массой коренного населения через им подобных. <…> Там, где власть дефицитна, даже капля ее — искус.

ВЫВОДЫ

Как можно увидеть из анализа текста романа, некоторые политики контроля были, хоть и с большим преувеличением, перенесены из социальной реальности в книгу. Государственная репродуктивная политика в нашей стране направлена на увеличение рождаемости. Для достижения этой «биополитической» (М.Фуко) цели проводятся различные мероприятия: повышается статус материнства, особенно многодетного, усложняются способы приобретения контрацептивов и проведения абортов, рождение детей навязывается женщинам как долг, который нужно отдать своей стране. На примере романа Этвуд можно также увидеть, что сведение женщин до функции деторождения фактически делает из них рабынь, и эта «антиутопическая» перспектива дает нам основания и для критической оценки происходящего в Беларуси.

Появление антиутопии Этвуд было реакцией на приход к власти в Канаде консервативных политиков, и их взгляды также предопределили поднятую в романе проблему христианского фундаментализма: «прямое» прочтение некоторых отрывков из Библии дает право властным структурам легитимировать угнетение всех женщин. Я не думаю, что в нашей стране может случиться нечто подобное, однако стоит рефлексировать по поводу того, какие процессы происходят в обществе, как складывается союз власти и религиозных структур, какие дискурсы характерны для репродуктивной политики и т.д.. На мой взгляд, прослеживается определенная аналогия с романом Этвуд, пусть далеко не в таких масштабах, но даже это может привести к печальным последствиям, и об этом стоит помнить сегодня, читая антиутопию начала 1980-х гг.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ

в антиутопиях XX века и начала XXI века: общее и особенное

НАТАЛЬЯ ЦЕГЕЛЬНИК,
переводчик

Антиутопии как XX века, так и XXI века поднимают множество тем, начиная с вопросов насилия и власти и завершая проблемами памяти и забвения. Одной из линий, которая прослеживается во всех антиутопиях, является вопрос о гендере и сексуальности, репрессивном контроле над отношениями между людьми, а так же проблематизация конструирования женских образов, женских ролей. Возможно, этот вопрос не является ключевым ни для авторов новых, ни для авторов и потребителей старых текстов, однако его нельзя назвать не заслуживающим внимания.

Данное эссе рассматривает женские роли и образы в антиутопиях как меняющиеся в зависимости от контекста и времени. Речь идет о том, какие женские образы «демонстрируются» сейчас, в современных антиутопиях, чем современные героини схожи со своими предшественницами и в чем заключается принципиальная разница. Цель эссе — попытка понять, насколько отображаемые перемены образов симптоматичны, и являются ли они предвосхищением каких-то более важных социальных сдвигов или результатом, фиксацией того, что уже происходит с обществами.

В качестве основы для сравнения взяты несколько произведений XX века, а именно — «1984» Джорджа Оруэлла, «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли, «Гимн» Айн Рэнд и «Рассказ служанки»

Данное эссе рассматривает женские роли и образы в антиутопиях как меняющиеся в зависимости от контекста и времени

Фото: Тарас Тарналицкий

Речь идет о том, какие женские образы «демонстрируются» сейчас, в современных антиутопиях

Маргарет Этвуд. Им в противовес взяты антиутопии начала XXI века: «Голодные игры» Сьюзен Коллинз, «Дивергент» Вероники Рот, «Бегущий в лабиринте» Джеймса Дэшнера и «Звери дикого Юга» Бена Зайтлина.

Выбор исключительно западных произведений обоснован тем, что достаточно сложно сравнивать женские образы в белорусских антиутопиях (материала очень мало), а так же спецификой развития гендерных вопросов на советском и постсоветском пространстве — у нас долгое время сдерживались радикальные перемены, имевшие место на Западе, и женская эмансипация, как проект, также имела свои особенные черты.

Следует начать с того, что в основной своей массе антиутопии XX века были написаны мужчинами, и женские образы в них всегда конструировались согласно условиям сложившегося патриархатного порядка. И даже в тех случаях, когда автором была женщина, своих героинь она все равно вписывала в те же рамки и «играли» они по тем же правилам. В своей книге «Role of Women in Utopian and Dystopian Novels» Елена Вукадинович (Jelena Vukadinovich) определяет следующие традиционные роли женщин: во-первых, это «матери» и «призы», как она их называет, а так же «ангелы» и «Иезавели», «амазонки» и разные типы старых или престарелых женщин. В последней главе она задается вопросом: является ли мужская утопия женской антиутопией? И это очень символично, потому что все описанные выше роли определенно отсылают к идее объективации женского образа, к патриархатному измерению, и все они наделяются второстепенными качествами: героиня не автономна сама по себе и, как бы не имеет личной значимости — ее значимость определяется мужчиной.

Как бы ни были Джулия («1984»), Ленайна («О дивный новый мир»), Свобода 5-3000 («Гимн») и даже героиня «Рассказа служанки» Фредова настроены в глубине души против окружающей их ситуации, и как бы они ни демонстрировали более или менее сложные характеры, они все равно всего лишь сопутствуют повествованию; они «следуют», и их роль — та или иная — всегда только определяется в зависимости от отношения к позиции мужчины рядом с ними. Разница только в том, что

покорные награждаются, а непокорные наказываются.
В некотором смысле, современные образцы антиутопий кажутся легкомысленнее, проще, более коммерческими, и, соответственно, написанными не потому, что авторов действительно заботит проблема возможного антиутопичного будущего, а потому, что это легкий путь к доходу и признанию в среде подростков — самой благодатной аудитории.

Однако даже такая аудитория не предполагает любых идей, и появившийся в антиутопиях тренд на «героинь» стал столь популярен в последнее время еще и в силу изменения социального контекста — ситуация поменялась, оценки и теории изменились, как и женщины. Здесь надо вспомнить о достижениях (и проблемах) трех волн феминизма, о всех социально-экономических изменениях, произошедших в мире и западных обществах даже за последние полвека. Именно поэтому новые антиутопии представляют совсем иных героинь — сейчас у нас есть Китнисс из «Голодных игр», Трис из «Дивергента», Тереза из «Бегущего в лабиринте» и им подобные; и так же есть Хашпаппи из «Зверей дикого Юга».

Многие антиутопии сегодня написаны женщинами и, более того, женщинами недавнего поколения, что неизбежно ведет к иному взгляду и подходам к созданию нарратива и конструированию образа героини.

Типажи новых героинь очень нравятся подросткам. Возможно, здесь работает то, что описывала Лаура Малви в своем тексте «Нарративный кинематограф и визуальное удовольствие» — нарциссизм и вуайеризм. Более тривиальное объяснение заключается в том, что подросткам просто нравится равняться на данных героинь. Современные девочки совершенно иначе воспринимают патриархатные рамки, иначе, чем их матери и бабушки. Если добавить к этому сложно прорисованные характеры, трудные взрослые решения, которые им приходится принимать — в некоторой степени мы получаем способы проигрывания взрослой жизни без непосредственного участия.

И женские роли действительно несколько сменились. В современных антиутопиях мы можем видеть достаточно сильных и независимых героинь, которые, в основном, уже не являются «сопровождением» или «дополнением» для главного героя-мужчины. Правда, женские образы, описанные Еленой Вукадинович, никуда не делись, но они больше не являются единственными. Даже не будучи центральными фигурами историй (Тереза из «Бегущего в лабиринте»), они являются автономными и самостоятельным субъектами, они сами принимают решения и не ждут, что появится кто-то, за кем можно будет «последовать». И этим они отличаются, например, от прекрасной, склонной к нонконформизму в легкой форме героини «Гимна» Айн Рэнд Свободы 5-3000, к примеру. Вот она делает то, что ей и положено — просто следует.

Гораздо более яркими примерами нового вида героинь являются Китнисс из «Голодных игр» и Трис из «Дивергента». Обе живут в сугубо стратифицированном мире будущего, и нонконформизм — это то, что их объединяет. Как и сила характера, выдержка, способность к резистентности, жестокость, решительность и множество других характеристик, которые предположительно не должны бы относиться к женскому образу. Что еще свойственно обеим героиням — это страх показаться слабой, разрешить себе слабость. Возможно, это является результатом

В основной своей массе антиутопии XX века были написаны мужчинами, и женские образы в них всегда конструировались согласно условиям сложившегося патриархатного порядка

Кадр из фильма «Дивергент» (реж. Нил Бергер, 2014)

Многие антиутопии сегодня написаны женщинами и, более того, женщинами недавнего поколения, что неизбежно ведет к иному взгляду и подходам к созданию нарратива и конструированию образа героини

Кадр из фильма «Голодные игры» (реж. Гэри Росс, 2012)

попыток совместить прежние установки с меняющейся реальностью. Китнисс, ставшей образом сопротивления, приходится не один раз переступать через себя, примерять и принимать образы, в которые ее насильно вписывают, играть по чужим правилам сначала, потом устанавливать свои; и делать множество других сложных и часто «неженских» вещей. В то же время все решения, принимаемые ею, являются самостоятельными и не опосредованными тем, что она пытается кому-то нравиться или таково ее место.

Трис нарушает «кастовое деление» в антиутопическом обществе и переходит из фракции «Отречение» во фракцию «Бесстрашных», и там ей на каждом шагу приходится доказывать, что она не хуже всех. Мужские участники фракций и этого отбора в игре на выживание не смотрят на Трис как на слабое и второстепенное существо (потому что она из фракции «Отречения» — да; но потому что она женщина — нет).

И ранее — мы видим Джулию, Ленайну, Свободу 5-300, героинь прежних антиутопий. Мы их видим глазами героя, то есть, так или иначе, опосредованно и как объект. Невозможно отделаться от ощущения, что ни одна из них не является индивидуальностью; и, более того, такая мысль крайне неуместна. Как бы ни была хороша и взбалмошна Джулия, она почти не думает; не говоря уже о Ленайне. Что касается Свободы 5-3000, то, в общем-то, она статичная героиня, у которой нет своей линии. Она любопытна и несколько «иная», но, в то же время, является всего лишь отражением Равенства 7-2521, его мыслей, его видения. Она как бы является и «музой» и катализатором к действию, но она не самостоятельна. Когда же идет диалог героев и героинь в современных антиутопиях, например, Терезы и Томаса в «Бегущем в лабиринте», атмосфера там иная — нет мужского комплекса доминирования, есть взаимодействие и равномерное распределение ответственности, как в принятии решений, так и в их выполнении.

Антиутопии XX века демонстрируют нам наиболее инвазивные методы контроля над людьми и их личной жизнью, интимными отношениями и репродуктивной свободой. Данные методы касаются как мужчин, так и женщин («Гимн», «1984»); но все же, «рикошетят» в первую очередь по женщинам, что также отражается на образах героинь. Всевозможные варианты, начиная с полигамных взаимоотношений и заканчивая правом женщины на рождение ребенка и свое тело, — все эти вещи имели под собой одну простую аксиому, которую «власть» и те, кто ее воплощал, понимали слишком хорошо. Убить или контролировать желание — это значит убить внутреннюю сущность человека, сделать из него должного «субъекта». В случае с женщинами тут еще и дополнительное измерение — сделать из этого «субъекта» еще и «объект».

В современных антиутопиях этот ракурс присутствует также, однако

он не так откровенно транслируется. В одной из антиутопий дают таблетки от эмоций, в «Дивергенте» есть сыворотка, которая выполняет функцию орудия манипуляции; в «Голодных играх» есть лаборатория, которая способна стереть и переписать тебе личность, если это потребуется и т.д. И все же вопрос свободы в выборе отношений, рождения детей и так далее уже не стоит. Скорее, общий план данных вопросов в принципе перестает быть главным, предполагая, что здесь все уже «в порядке», нет перекосов; на первый план выдвигается проблема развития отношений главной героини и героя на фоне спасения мира (где второе все же важнее первого).

Сексуальная тема в новых антиутопиях представлена несколько иначе, возможно, и по той причине, что главные герои там чаще подростки. В новых антиутопиях нет ярко выраженных репрессивных форм контроля рождаемости или регулирования сексуальности (как, у Оруэлла или Хаксли), что, скорее всего, связано с хронологией появления этих антиутопий — после сексуальной революции. Никто не препятствует сексуальности слишком откровенно. Но и главным героиням попросту некогда — они спасают мир/себя/своих близких.

Столь ярко прописанные характеры и их взаимоотношения дают богатый рефлексивный материал и наводят на мысль о том, что гендерные роли все же изменились. Вопрос, однако, в том, насколько эта смена позитивна и симптоматична в том плане, что женщины становятся «сильнее» в условиях «выживания» в антиутопическом мире, в то время как мужчины в некотором смысле «слабеют». Является ли это предвосхищением будущего или результатом того, что уже происходит сегодня?

Однозначного ответа нет. В какой-то степени женские образы старого образца уходят, и новые образы находят свое отражение в популярной литературе и медиа хотя бы по той причине, что со сменой множества установок и укладов, приходом новых возможностей, появляется такая категория людей, как «синглы» (о чем пишет исследователь и феминистка Анна Шадрина в своей книге «Не замужем»). Это некий новый конструкт женского образа, который (хоть и может иметь различные вариации) в силу своей специфики несет ауру самодостаточности и содержит набор качеств, ранее освещенных в описании героинь Китнисс и Трис. В каком-то смысле этот образ влияет на появление образов «других» героинь.

Литература и кино склонны как реагировать на изменения, так и их предвосхищать. Ответом на вопрос, что же именно мы сейчас наблюдаем, может быть предположение, высказанное Лаурой Зегель в своей статье «Звери дикого Юга» и феномен девочки-героини». По ее мнению, новая феминистская энергия, которая получила свое освобождение, сейчас напрямую сигнализирует об определенных сменах в коллективной психике. И в данном случае это можно увидеть на примере новых героинь антиутопий. Они появились не без причины, а, возможно, потому, что очень хорошо резонируют с коллективной необходимостью склониться к феминистскому курсу и, таким образом, восстановить баланс сил в обществе, нарушенный длительным доминированием маскулинных ценностей. И это похоже на реальность.

В современных антиутопиях мы можем видеть достаточно сильных и независимых героинь

Список литературы:

Анна Шадрина. Не замужем. Секс, любовь и семья за пределами брака. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Лаура Малви. Нарративный кинематограф и визуальное удовольствие //Антология гендерной теории. – М.: «Пропилеи», 2000. – С. 280-295 // http://detc.ls.urfu.ru/courses/ccult0011/graphics/0502.pdf

Jelena Vukadinovich. Role of Women in Utopian and Dystopian Novels // http://www.grin.com/en/e-book/208924/the-representation-of-women-in-utopian-and-dystopian-literature

Laura Zegel. Beasts of the Southern Wild» and the Girl Hero Phenomenon //. http://theviralmedialab.org/4849/2012/08/beasts-of-the-southern-wild-and-the-girl-hero-phenomenon/

ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ СМЕРТИ

МАРИНА СЕМЕНЧЕНКО,
архитектор в Архитек-турном бюро АР Идея

Беларусские сайты, посвященные ритуальным услугам, сообщают о том, что открытие Минского крематория состоялось 1 августа 1986 года. Там же упоминаются такие факты, как количество кремаций за годы его работы (76 тысяч) и название модели используемых в нем печей. Выглядит как типичная коммерческая информация на сайте предприятия, которое хочет привлечь клиентов[1]. Мол, и история у нас богатая, и оборудование самое лучшее, и перечень услуг разнообразный. И ничто не напоминает о том, что и сама услуга, и человеческое состояние, в котором за ней обращаются, довольно специфические.

Подчеркнуто деловые интонации этих сайтов сильно контрастируют с внешним видом Минского крематория и его залов, а также с самой манерой проведения похоронных ритуалов в Беларуси. Величественная симметричная композиция ритуального корпуса крематория и ведущей к нему аллеи торжественно провозглашает значимость смерти. Черные порталы, которые нужно преодолеть, чтобы попасть внутрь, становятся границей, за которой символически находится смерть, а физически — ритуальный зал как специальное место, где нужно плакать, прощаться и проникаться последним мигом рядом с близкими. В огромном пространстве с высокими потолками и окнами в пол, создающими драматичное освещение, громко играет скорбная музыка. В такой обстановке даже большая группа людей чувствует себя маленькой, незначительной и временной. Людям некуда деться, негде присесть или уединиться, чтобы совладать с чувствами. Все они остаются в пустом помещении наедине со смертью, которой здесь отведено центральное место. Мраморный подиум для гроба венчает масштабная симметричная композиция, сверху на него проливает дневной свет многоугольный фонарь. Все здесь присутствующие находятся во власти смерти, они ничтожны в сравнении с ее величием и тотальностью.

[1] КУП «Спецкомбинат КБО» // http://www.ritual-minsk.by/sections/krematorij

Фото: Кладбище Prado do Repouso в Порту, Португалия (автор фото Ольга Долинина)

Борис Шапиро в статье «Муляж кладбища» выделяет два типа поминовения усопших: *тип а* — «подтверждение исчезновения, свидетельство смерти явлениям, укрепление его необратимости» и *тип б* — «борьба со смертью, противодействие ей, принятие мер для достижения “жизни вечной”». Первый, который явно прочитывается в Минском крематории, он описывает так: «…смерть считается нормой, а жизнь — временным отклонением от нормы. В этой позиции жизнь и смерть не имеют прямого отношения к добру или злу, а только к власти в мире. При этом власть смерти считается выше власти жизни, а культ смерти выше культа жизни. Смерть тотальна, а жизнь индивидуальна. Все тоталитарные общества — вольно или невольно — опираются на смерть и ставят единообразное общее несоизмеримо выше индивидуального»[2]. В советский период следование такому типу репрезентации смерти было закономерным. Однако почему эта атеистическая, тоталитарная в своей основе, философия смерти перенесена в постсоветскую современность? Говорит ли это о том, что общество остается тоталитарным, или же произошло механическое заимствование готового ритуала, который на данный момент является неактуальным?

В поисках ответа на этот вопрос стоит обратиться к одному примеру, который говорит об отношении к смерти и понимании ее места в нашей повседневности. Байнет

Почему эта атеистическая, тоталитарная в своей основе, философия смерти перенесена в постсоветскую современность?

Фото: Парк-кладбище в Турине, Италия по проекту архитектора Массимо Раскьяторе (с сайта divisare.com)

[2] Б. И. Шапиро. Муляж кладбища. — Нева. — 2007, №5. // http://magazines.russ.ru/neva/2007/5/sh12.html

Фото слева: Колумбарий на Северном кладбище в Минске (с сайта tut.by).

Фото справа: Минский крематорий на Северном кладбище (с сайта tut.by)

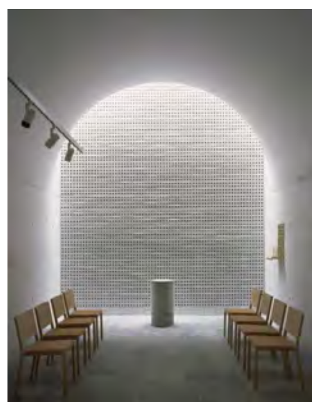

Фото: Церемониальный зал крематория в Энскеде, Швеция, проект Johan Celsing Arkitektkontor, фото Ioana Marinescu (www.archdaily.com)

достаточно широко освещал случай активного протеста жителей Лошицы против размещения ритуального зала для прощания с умершими в здании Службы быта. В подвальном помещении по адресу ул. Янки Лучины, 64 предполагалось открыть помещение для ритуально-похоронного обслуживания с холодильными камерами для усопших. Основной претензией жильцов микрорайона была близость учреждения к жилым домам и детской площадке. Протест начался с неказистых объявлений в подъездах, призывавших «предотвратить катастрофу», и привел к массовому официальному обращению к администрации района.

Столь редкий случай гражданской активности и солидарности свидетельствует о существовании вполне однозначного мнения беларусов о том, что смерть должна быть отделена от повседневности. Поэтому самым распространенным был аргумент о негативном влиянии такого соседства на психологическое состояние жителей и их детей. Однако стоит отметить, что многочисленными были также опасения за чувства близких умершего и высказывания о неуместности проведения ритуала в таких условиях. Это заметно по интервью одного из жителей Лошицы: «Вот представьте, что придут люди проститься с умершим родственником. А из парикмахерской, которая находится в службе быта, будет слышна музыка. Каково будет тем, у кого горе? Скорбь требует тишины, — говорит мужчина. — Поэтому, как во всем мире, пусть открывают такие помещения за городом. Или на выезде из города»[3].

Здесь, с одной стороны, наблюдается желание не соприкасаться с неприятной и тягостной стороной жизни, а с другой, — придание ей особого значения, требующего особых условий. Люди признают важность создания таких мест, но они должны быть «специальными», «другими». Подобные места М. Фуко называл «кризисными гетеротопиями». Кладбище или в данном случае ритуальный зал — это гетеротопия, в которой присутствует мертвый человек, что само по себе является оппозицией жизни, и его родственники, находящиеся в кризисном состоянии, также противоречащем естественному течению жизни. В сегодняшнем мире, где процветает культ тела, здорового и вечно молодого, смерть становится своего рода отклонением от нормы, что придает таким местам черты не только кризисной, но и девиационной гетеротопии.

В то же время отношение современных беларусов к смерти отсылает к рассуждениям Фуко о сложившейся

[3] Жители Лошицы: «Приглашаем чиновников, чтобы они из наших окон полюбовались зданием, из которого будут выносить гробы!» // http://realty.tut.by/news/offtop-realty/424507.html

в девятнадцатом веке тенденции выносить кладбища за пределы городов. Возрастание внимания к теме смерти и, главное, к культуре захоронения и сохранения праха он объясняет «атеизацией» общества: «По сути дела, весьма естественным было то, что в эпоху, когда действительно верили в воскресение тел и в бессмертие души, никто не был готов придавать значение бренному праху. Напротив, с того момента, когда никто уже не был уверен в том, что у него есть душа и что тело воскреснет, стали обращать больше внимания на этот бренный прах, который в конечном счете является единственным следом нашего существования в мире и среди слов»[4].

Это свидетельствует о том, что в целом стремление к вынесению смерти в «другие пространства» становится традиционной практикой с момента возникновения модерного общества. Однако баланс между двумя типами поминовения, описываемыми Шапиро, всюду разный. Мне кажется вполне вероятным, что многие беларусы внутренне привержены ко второму типу, провозглашающему торжество жизни, что полностью в духе христианской традиции, в самой основе которой лежит идея о победе над смертью. Однако организации, для которых ритуал прощания и захоронения является работой, продолжают следовать первому, атеистическому и тоталитарному образцу, не оставляя места для альтернатив и формируя определенную модель отношения к смерти.

В одной из лекций сборника «Нужно защищать общество» Фуко описывает «прогрессирующую дисквалификацию смерти», исчезновение ее активной ритуализации и переход из публичной в сугубо приватную сферу. Причиной таких изменений он считает изменение технологий власти. До конца восемнадцатого века смерть символизировала собой переход от земной власти к власти высшей. Так же ее можно было рассматривать как переход власти от умирающего к живущим. Однако в последующий период Фуко отмечает возрастание влияния власти не на смерть, а на жизнь со стремлением всесторонне ее контролировать. В этой ситуации смерть становится границей, за которую власть зайти не в силах. «Влияние власти распространяется не на смерть, а на смертность. И поэтому нормально, что смерть теперь попадает в сферу не просто частного, а самого частного в этой частной сфере»[5].

Среду, созданную в Минском крематории, можно трактовать как попытку проникнуть даже в эту часть жизни, названную Фуко «сферой не просто частного, а самого частного в этой частной сфере». Искусственное нагнетание давящей атмосферы кажется бесчеловечным. Поэтому так необходимо трансформировать существующие «пространства для смерти» и создавать новые по иным правилам, где есть место не только для смерти, но и для людей, умерших и остающихся жить. Пространства, которые помогают людям в этом, а не утверждают свою власть над ними. «Другие места», которые не диктуют людям, во что им верить.

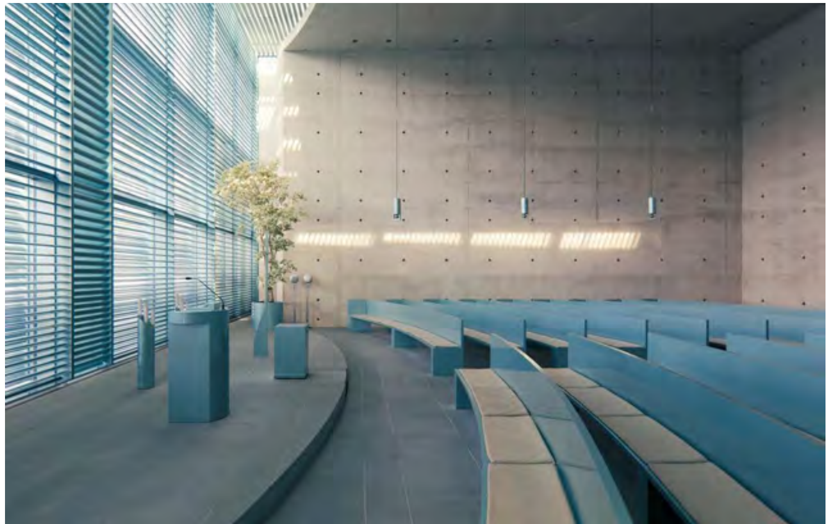

Фото: Церемониальный зал крематория в Берлине, Германия, проект Shultes Frank Architeckten, фото Mattias Hamrén (www.archdaily.com)

Люди признают важность создания таких мест, но они должны быть «специальными», «другими»

[4] М. Фуко. Интеллектуалы и власть. – М.: Праксис, 2006. – С.199.

[5] М. Фуко. Нужно защищать общество. – СПб: Наука, 2005. – С.262.

СВОБОДА ОТ...?

АНАСТАСИЯ РЫЖАНКОВА,
студентка факультета межкультурных коммуникаций БГЭУ

Что заставляет некоторых людей покидать дом и отправляться в путешествия? Почему кто-то настойчиво продолжает жить, кочуя из места на место и превращая путешествия в стиль жизни?

В современном мире принято восхищаться людьми, которые бросили все и уехали в кругосветку. Они предстают перед нами кем-то вроде философских нонконформистов, которые, устав от обыденной жизни, пустились в непредсказуемое и спонтанное путешествие. В рамках данного эссе мне бы хотелось поискать глубинные мотивы путешествий с помощью психоанализа.

В ответ на вопрос, что заставляет горожан бросить все и уехать, психологи говорят про повышенный фон раздражителей и высокий уровень шума, конкурентное окружение, фрустрацию по поводу несбывшихся надежд и амбиции, которые подпитываются мегаполисом. Если мы спросим у самих людей, то часть из них скажет, что путешествие для них — это религия. На этой группе путешественников мне бы хотелось сосредоточить внимание.

Возможно, для заядлых путешественников, для которых передвижение — это стиль жизни, ключевой мотив кроется в стремлении к целостности субъекта[1]. В данной ситуации применимо понятие истерического дискурса, который характеризуется страстным желанием знания и запросом на полноту Другого. С точки зрения психоанализа, желание знания о Другом имеет циклическую природу и является результатом повтора, вечного стремления к невозможной целостности субъекта. Желать знать — это стремиться повторять и продлевать наслаждение, в то время как знать — это идентифицировать повтор. Любая попытка знать — это попытка осознать пустоту. Расщепленный субъект, желая обрести полноту знания, стремится к стиранию границ между индивидом и средой, к обретению пресловутой гармонии с природой и вселенской любви.

Такого рода путешественники — зачастую поклонники восточной философии, которая утверждает, что за счет определенных практик человек может отказаться от желаний и обрести гармонию. Вос-

[1] Г. Русецкая. Знание: запрос истерического субъекта// Топос. – 2011, № 3. – С.145.

Фото: Тарас Тарналицкий

Расщепленный субъект, желая обрести полноту знания, стремится к стиранию границ между индивидом и средой

точные философы много писали о природе желания. Однако если само желание проявляется в результате сильного беспокойства, то желание освободиться от него является таким же желанием, как и все остальные. С психоаналитических позиций субъект, говорящий, что он свободен от желаний, предъявляет сильное вытеснение. На самом деле, преодолеть расщепление и обрести гармонию индивиду может помочь не перемещение в пространстве, а только путешествие во времени с возвращением к младенческому возрасту, к периоду, который предшествует лакановской «стадии зеркала».

Кроме желания обрести полноту Другого, индивид может стремиться выйти за рамки социального. Люди устают от жизни в этом постоянно ускоряющемся круговороте дедлайнов, информации, рекламы, и желают обрести спокойствие вне социальной реальности. Однако преследуя желание выйти из социального и информационного шума, может ли человек вырваться за рамки идеологии? По словам Славоя Жижека, «идеология — это не просто «ложное сознание», иллюзорная репрезентация действительности, скорее идеология есть сама эта действительность, которая уже должна пониматься как «идеологическая», — «идеологической» является социальная действительность, само существование которой предполагает не-знание со стороны субъектов этой действительности, незнание, которое является сущностным для этой действительности».[2]

Получается, все мы находимся в состоянии «идеологического сна», и он не покидает нас даже в попытках проснуться и взглянуть на реальность объективно. Возможно, для того, чтобы разорвать этот порочный круг идеологии и приблизиться к так называемой свободе, следует не изменять реальность в соответствии с нашими мечтами, но изменить сам способ желать и мечтать. Это попытка достаточно болезненна, так как все виды нашего удовольствия зарождаются именно в наших желаниях.

Проблемой путешественников остается то, что, хотя они и изменили

Слишком близкое приближение к объекту желания, как правило, заканчивается либо смертью желания, либо страхом и бегством прочь

[2] Сл. Жижек. Возвышенный объект идеологии. – М.: «Художественный журнал», 1999. – С. 14.

Однако в тот момент произошло осознание своего Символического существования и невозможности от него избавиться

Фото: Тарас Тарналицкий

свою повседневность (каждый день лишен рутины и преподносит что-то новое), ими движет мечта и желание. Однако суть желания в движении, в процессуальности, но не в достижении: оно направлено лишь на то, чтобы воспроизводить себя как желание. Именно поэтому слишком близкое приближение к объекту желания, как правило, заканчивается либо смертью желания, либо страхом и бегством прочь. Рома Свечников в проекте «Рома едзе» описывает свой опыт абсолютной свободы следующим образом:

«Раптам я адчуваю такую пустэчу, цяжар і боль унутры. Адчуваю тое, што мы называем сапраўднай свабодай. Мы жывем гэтым ідэалам, гатовыя біцца за яго і спрачацца да пены на вуснах. А высвятляецца, што свабода — гэта край. Ад свабоды ты раптам губляеш сябе, і лепей, каб у гэты момант ты не ехаў на матацыкле. Адсутнасць патрэб і прыхільнасцяў — гэта тое, што характарызуе вольнага чалавека. Калі раскручваць гэтую думку далей, свабодны чалавек — той, хто абыходзіцца малым, наборам з першай ступені піраміды Маслоў. Ен жыве ўнутры свайго свету і не мае сувязяў з вонкавым. Абсалютная свабода мяжуе з вар'яцтвам. Сустрэўшыся з ей тварам да твару, ты або добраахвотна знікаеш без вестак, або перастаеш спяваць ей песні».[3]

Конечно, можно поспорить с тем, что автор ощущал себя в тот момент абсолютно свободным, так как он все-таки не порвал все свои социальные связи и продолжал вести свой проект на 34mag. Однако в тот момент произошло осознание своего Символического существования и невозможности от него избавиться.

Так попытка преодолеть раздробленность своего Я, желание слияния с внешним миром и с другой средой, отличной от повседневной, не приближает путешественника к пониманию своего Желания и не дает ответы на вопросы о действительности, а только может усугубить и без того истеричное состояние расщепленного субъекта.

[3] Р. Свечников «Рома едзе» //Вильнюс: Логвінаў, 2014.– С. 202.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДА:

как может меняться Минск?

АЛИНА ФУРМАНОВА,
менеджер проектов
в веб-студии Astronim*,
минский житель

Для того, чтобы рассмотреть, как должен меняться город и должен ли он меняться вообще — я имею в виду не процесс неизбежного роста и соответствующего хаотического развития, а коренные изменения в пространственной структуре города, его принадлежности и идентичности, — нужно понять и очертить существующую ситуацию, понять прошлое города и его влияние на настоящее.

Есть взгляд на человеческую историю как на нарратив, в который вписаны частные истории обществ, людей, городов, событий. Настоящее не существует в отрыве от прошлого, а будущее развитие определено настоящим.

Если перенести этот подход на город, то можно сделать вывод о том, что он может меняться только с оглядкой на то, каким он был ранее, в различные эпохи. Например, мне кажется, что невозможно путем «косметических» действий превратить Минск в милую европейскую столицу — чего, наверное, искренне хотелось бы многим современным горожанам, не проникающим глубоко в суть города, но желающим жить комфортно и удобно в месте, которое является соответствующим фоном их жизни. Мы столкнемся с множеством препятствий и вопросов, ответы на которые нужно искать в истории.

Что делать с советским наследием, которое чем дальше, тем больше утрачивает свою советскую суть? Как быть с тем, что еще сто лет назад Минск был совсем другим — «городом еврейских торговцев и русских чиновников» по словам Томаса Бонна в предисловии к его монографии о Минске[1], и «оживленным и интересным польским центром» по воспоминаниям русского чиновника — мин-

[1] Томас М. Бон «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском союзе после Второй мировой войны. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. с.3.

Есть взгляд на человеческую историю как на нарратив, в который вписаны частные истории обществ, людей, городов, событий

Фото: Тарас Тарналицкий

ского губернатора В. А. Друцкого-Соколинского[2].

На чем должна строиться современная идентичность города в такой ситуации? Попробую поразмышлять на тему того, как и что могло бы меняться.

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ПРАВА НА ГОРОД»

Первое измерение моего вопрошания — вопрос принадлежности города паре «власть-горожане». Я убеждена, что «душа» у города оживает тогда, когда город принадлежит людям, которые в нем живут, помнит о людях, которые в нем когда-то жили, заботится о тех, кто в нем появляется. Минск уже очень давно принадлежит не горожанам. Думаю, во времена царской России и до советской перестройки всего города в XX веке, он принадлежал им больше. Провинциальный город на окраине империи со смешанным этническим составом населения (евреи, белорусы, русские, поляки), Минск не нес каких-то сверхважных функций, хотя и был губернским центром, и мог развиваться по своим законам. При советской перестройке город стал превращаться в символ социалистического развития, о чем и пишет Томас Бонн. Когда город перекраивают под такие великие цели, мнение населения не имеет значения, оно исключено из планирования развития города.

Советская эпоха явно передала город в собственность власти. При этом состав городского населения кардинально изменился — нарушилась преемственность поколений, город вырос за счет приезжих из провинции и других городов. Они, даже при желании и возможности, не могли бы участвовать в развитии города, сохраняя его историческое и культурное наследие (они его не знали, и не относились как к «своему»). Эта отстраненность, укоренившаяся в сознании большинства населения и явно одобряемая существующими властями, хорошо заметна и на данный момент.

Я уверена, что практически каждому жителю Минска есть что сказать о том, как должен развиваться город, но он не видит значимости своего мнения, возможности высказать его и не считает, что оно может повлиять на принятие решений. Чтобы изменить такое положение вещей —

[2] Князь В.А. Друцкой-Соколинский «На службе отечеству. Записки русского губернатора 1914 – 1918». М.: Русский путь, 2010.

а в данной ситуации на это силы есть у городского руководства или у какого-либо общественного объединения, которое будет поддержано властями — нужно любыми способами возвращать горожанам «право на город». Я не архитектор и не экономист, но как обыватель я вижу реальные возможности для этого — путем создания опросов населения, рекламы некой коммуникативной и публичной площадки для обсуждения различных вопросов — от судьбы вездесущей советско-военной топонимики до маршрута новых велодорожек, символики города, городского транспорта, благоустройства жилых районов и многого другого. Люди должны почувствовать то, что они могут что-то изменить и на что-то влиять.

ГОРОД И ТРАВМЫ ИСТОРИИ

Второе, на чем нужно остановиться — это необходимость работы с прошлым города. Неосознанное и неотрефлексированное прошлое, в котором было много «непонятных», масштабных, революционных и трагических событий — это, несомненно, «травма», которая нарушает идентичность в настоящем.

Каков наш город? Мне кажется, что это не типичная европейская столица, не «русский» город (как может казаться на первый взгляд), наполненный только присутствием русской культуры. Это и не город, связанный исключительно с беларусской культурой — исторической и современной. Без приставки «не-» я могу уверенно назвать город «постсоветским», чтобы за этим понятием не стояло.

Еще один важный вопрос: с какой позиции возможна эта работа с прошлым и отделены ли мы от недавнего прошлого — советской эпохи? Для работы с прошлым оно должно таковым стать, следовательно, городу и горожанам нужно приобрести некую идентичность — пусть переходную, но осознать себя «новыми» людьми в поисках идентификации. Мне кажется, что «белорусская идентичность» всегда складывалась как смешение и преломлении различных по своей сути либеральной западной и более авторитарной восточной культур, поэтому нам будет некомфортно пытаться объявить себя всего лишь принадлежащими к этим «крайним» культурным традициям.

Работая с прошлым, город нужно наполнить «местами памяти» о всех периодах его развития. Создать Музей коммунизма, Музей городской истории (который включит в себя описание различных эпох), Музей еврейского населения и Холокоста (о котором почти нет ни слова даже в новом музее ВОВ), наконец-то создать мемориалы в Куропатах и других местах памяти. В топонимике города, в памяти горожан должно присутствовать разнообразное и правдивое представление о городе из разных эпох.

ПОТЕНЦИАЛ «БУДУЩЕГО» МИНСКА И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ

После проведения соответствующей работы с прошлым, можно будет определить будущее развитие города. Мне бы хотелось, чтобы Минск стал памятником советскому городу «как таковому» — этот «город солнца» (по выражению художника Артура Клинова) уже есть[3], он во многом красив и уникален, и было бы ошибкой не ценить его. А развитая туристическая и городская инфраструктура, наличие удобных зон для пешеходов, людей с ограниченными возможностями, людей на

Фото с сайта http://palasatka.com

«Белорусская идентичность» всегда складывалась как смешение и преломлении различных по своей сути либеральной западной и более авторитарной восточной культур

[3] А. Клинов «Путеводитель по городу солнца». М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.

При этом, мне кажется, без личной ответственности за непосредственно окружающую человека инфраструктуру, проект такого развития неполон. Нужно активно вовлекать жителей в преобразование своего района

Фото: Юлия Князь

велосипедах, бережно вписанные в городской ландшафт современные здания, разумная система парковки автомобилей и брендированная городская навигация, наличии общепита и демократичных кафе (конечно, список можно и нужно продолжить) смогут «оттенить» минский центр, сделать музей-памятник советскому градостроению живым и дружелюбным («интерактивным» — как последнее слово в музейном деле:)).

Благодаря своей насыщенной истории и расположению «между», город может стать площадкой для проведения различных культурных фестивалей и студенческих ,молодежных инициатив.

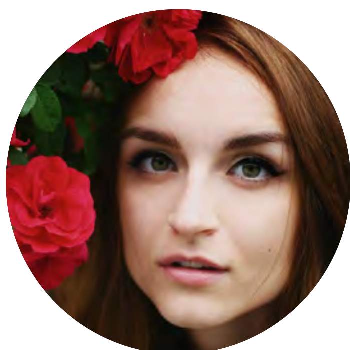
Мне видится, что у Минска есть также потенциал развития в качестве города с большим количеством высокотехнологичных компаний, развитой ИТ-индустрией. Многим белорусам близок феномен информационных технологий и «программистский дзен» (в силу ряда факторов, основными из которых я вижу желание хорошо зарабатывать, относительные спокойствие и непубличность этого вида деятельности), и опять же будет не рационально это не использовать.

Если говорить о спальных районах и их развитии — то важно формировать локальные культурные и общественные центры, о которых мы не раз говорили на наших занятиях в ECLAB. Жизнь рядового горожанина в спальном районе станет намного радостнее и осмысленнее, когда в нем появятся благоустроенные детские и спортивные площадки, зоны отдыха, парковки, кинотеатры и прочее.

При этом, мне кажется, без личной ответственности за непосредственно окружающую человека инфраструктуру, проект такого развития неполон. Нужно активно вовлекать жителей в преобразование своего района, постепенно расширяя их «чувство дома» за пределы квартиры, затем — района, затем — города.

Завершая эссе, можно сформулировать довольно простой, но все еще трудно воплощаемый в реальности вывод — город может и должен меняться в будущем, но осмысленные шаги в этом направлении могут быть предприняты лишь в том случае, когда у города появится осознаваемое прошлое и неравнодушные обитатели.

(МОЙ) МИНСК

МАРИЯ КИРИЛЬЧИК,
студентка Академии
искусств (БГАИ)

Сложно писать о городе, в котором я выросла и который для меня является мерой для других городов. Я знаю, что есть места красивее Минска: с замысловатой архитектурой, более красивыми людьми и осязаемым чувством свободы. Но каждый раз, бывая где-либо, я мысленно сравниваю ощущения от чего-то отличающегося с чем-то родным.

Я одна из тех, кто не хочет уехать из РБ и никогда сюда не вернуться из-за ненависти к системе и государству. Я не могу не любить Минск, не могу не любить город, который каждым метром в пространстве достраивает мой личный нарратив: где-то там я была совсем маленькой, там бегала, там собирала каштаны и тащила их в карманах домой. Точно так же я тащу их и спустя 20 лет, собираю в Парке Горького, кидаюсь ими по деревьям, шуршу опавшими листьями под ногами. Для меня важно ощущение того, что я нахожусь там, где точно знаю, что я была тут всегда, сколько себя помню.

Мне нравится видеть, как город трансформируется на глазах, как частный сектор у Национальной Библиотеки превращаются в маленький парк, как вырастают новостройки — пускай даже и не всегда понятно, как то или иное чудовище можно было построить, не глядя на его окружение. Но город живет, что-то стирая из своего образа и что-то добавляя, и я чувствую, как точно так же расту вместе с ним.

Мой маршрут обычно начинается с метро, где у каждой станции есть своя история, свой образ, свой запах. Запах на станции Парк Челюскинцев ассоциируется у меня с запахом музыкальной школы. Я ощущаю наверху вибрацию земли, когда где-то глубоко под ногами идет очередной подземный состав. И я точно знаю, сколько минут мне понадобится на перемещение из пункта А в пункт В. Время в метро всегда замедляется и становится странным, и в перегонах от станции до станции появляются неизбежные минуты для себя — это движение невозможно ускорить, и здесь я ничего не могу контролировать.

Фото с сайта http://palasatka.com

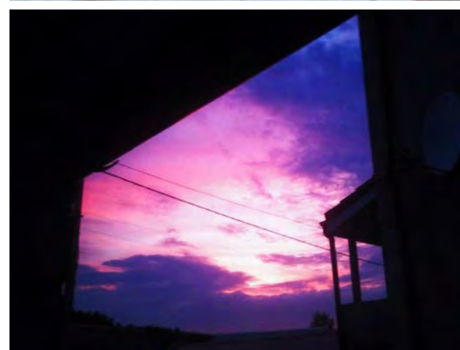

Фото: Мария Кирильчик

Город дает ощущение единения с ним также благодаря изобретению своих собственных ритуалов

Время, проведенное в транспорте, дарит утешающее облегчение одновременно зря и не зря потраченного времени. В длительных поездках можно позволить себе без угрызения совести ничего не делать, может, даже вздремнуть, прислонившись головой к стеклу, заняв место в конце автобуса или троллейбуса. На минуты избавиться от всего, что давит. Можно посмотреть в окно и заметить, что наступила осень или уже растаял снег, или что сегодня, как ни странно, я возвращаюсь домой до того, как стемнело, и даже могу насладиться закатом или просто видом неба и облаков из окна.

Город дает ощущение единения с ним также благодаря изобретению своих собственных ритуалов. Было время, когда я принципиально курила только на мостах, и мой путь по городу часто определялся расстоянием до ближайшего моста на Немиге, около Парка Горького или около Уручья. С мостов я наблюдала за тлеющей сигаретой и дымом, машинами, огнями светофоров и следом от фар.

Я знаю в Минске места, где больше всего воздуха и видно небо, где наиболее тихо и спокойно. И знаю те, где жизнь кипит по максимуму и больше всего людей, где можно выйти из зоны комфорта и довести себя до приступа паники в толпе.

Мне нравится рассматривать архитектуру на проспекте, сравнивая то, что я вижу, со знаниями из курса по истории искусств, нравится различать типы ордеров и капителей. Нравится иногда смотреть в окна и представлять историю, которая происходит, например, за теми желтыми шторами и фикусом на окне. Нравится просто гулять со стаканом кофе/какао в руке, купленным по пути в любимой кофейне, где бариста уже знают тебя в лицо и с порога спрашивают, возьму ли я все, как обычно.

Мне чем-то нравится эта обыденность и уют в том Минске, который есть у меня. Я не отрицаю, что родись я в другом месте, такое же отношение сложилось бы у меня и к нему. Но я рада, что это Минск. Пусть он иногда слишком серый, неподвижный и чистый, но в нем есть жизнь и своя история, в которой есть также я.

БЕЛОРУССКАЯ РЕКЛАМА

в (пост)советском контексте

АНАСТАСИЯ ТАРАСЕВИЧ,
программист

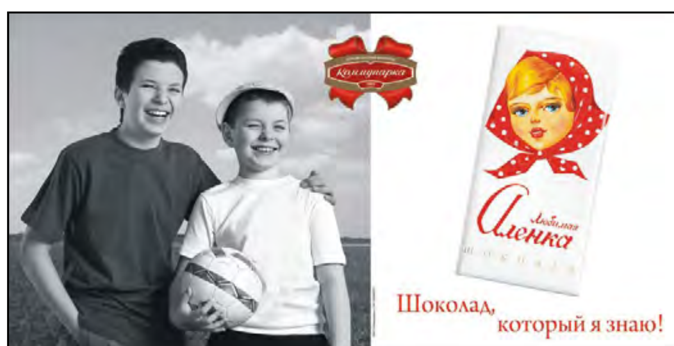
АЛЕКСАНДР ТЫРЛЯ,
товаровед

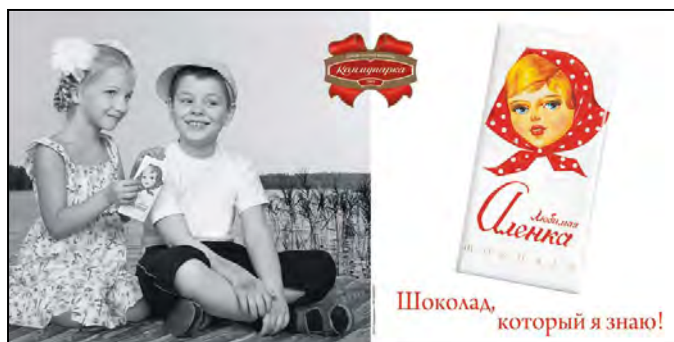

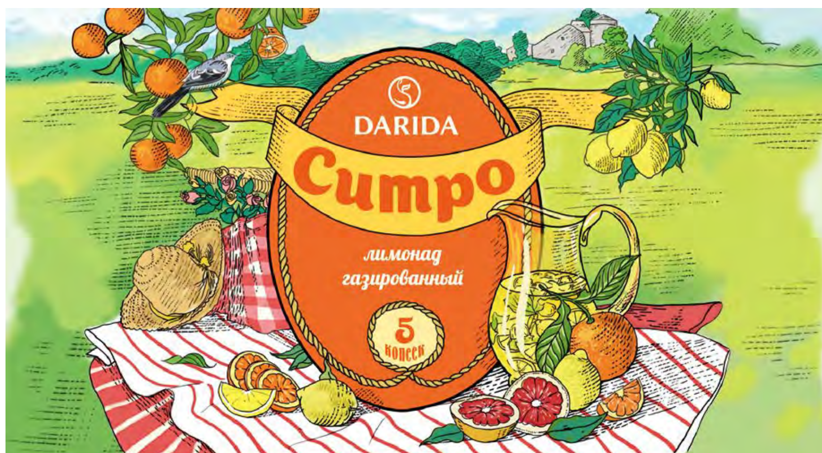
ЮЛИЯ КНЯЗЬ,
адвокат

Советские образы и мотивы часто используются в качестве модели для создания нарратива в коммерческой и социальной белорусской рекламе. Иногда это отдельные, хорошо узнаваемые, элементы, помещенные в современный контекст, а иногда — практически полное копирование плакатов и листовок времен СССР. Каковы причины воспроизводства советской стилистики в современной рекламе? Какие явные и неявные социальные смыслы она транслирует и какие культурные паттерны позволяет увидеть?

1. НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Подобная реклама демонстрирует попытку задействовать ностальгический миф о «золотом веке» советского периода «застоя»

В рекламе шоколада «Аленка» используются образы детей, которые, как мы можем предположить, живут в Советском Союзе. Такая ассоциация возникает из-за стилистики фотографий — изображение черно-белое, дети одеты не в современную одежду. Слоган подтверждает мысль о том, что на фото представлены детские фотографии ныне взрослых людей. Это коннотативная составляющая рекламного образа, то есть его прагматическое сообщение. Анализируя изображение дальше, можно уловить денотативное сообщение, вложенный смысл. «Шоколад, который я знаю!», с которым у меня связаны светлые, теплые воспоминания из детства, шоколад, который пронес через время все свои лучшие качества и остался таким же вкусным, как и раньше. Эту цепочку ассоциаций можно продолжать долго, и, хотя у каждого отдельного человека она будет своя, все они будут примерно об одном и том же — в рекламу изначально заложены те смыслы, которые мы должны отыскать, и пресечены все «ненужные» линии рассуждений.

Близкий по рекламной стратегии пример можно наблюдать в рекламе ситро, стремящейся натолкнуть человека на мысль о далеком и прекрасном прошлом, когда такой замечательный напиток продавали за пять копеек.

Таким образом, подобного типа реклама демонстрирует попытку задействовать ностальгический миф о «золотом веке» советского периода «застоя», чтобы показать продукт в выгодном свете, а также привлечь тех потенциальных покупателей, для которых этот период совпал с беззаботным детством.

2. ИРОНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

В городе Поставы Витебской области появилась столовая, оформленная в стилистике советской пропаганды и с отсылками к советской повседневности. Для воссоздания духа прошедшей эпохи здесь использованы советские плакаты, лозунги, фотографии

Н. Бабин. «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!», 1975

Д. Моор, «Ты записался добровольцем?», 1920

В. Сурьянинов. «Труд твой и мой — стране родной!», 1981

советских вождей, предметы быта. Изображения на плакатах оригинальные, за исключением текстового сообщения: здесь первоначальные пропагандистские лозунги подменены их стилизацией, а призывы к революционной и партийной мобилизации — темой еды, что создает иронический эффект снижения пафоса.

Если для привлечения разновозрастной публики интерьеры столовой совмещают иронический дискурс с ностальгическим, то реклама образовательных курсов под слоганом «Стране нужны программисты!» рассчитана скорее на молодежь и с явной иронией превращает программистов в ленинцев-комсомольцев, сохраняя при этом в их облике черты хипстеров. Этот прием позволяет также задействовать стилистический лаконизм и графичность советского плаката и выгодно выделить эту рекламу на фоне остальных.

3. КОПИРОВАНИЕ

В следующем примере современный плакат полностью скопирован с советского 1950-х годов: и основной мотив (техника безопасности), и композиция, и цветовая гамма, и надпись. Подобные приемы характерны для социальных белорусских плакатов, которые помимо механического заимствования могут также транслировать идею преемственности советского социального и политического опыта в постсоветской Беларуси.

Худ. А. Киселев, 1950-е годы

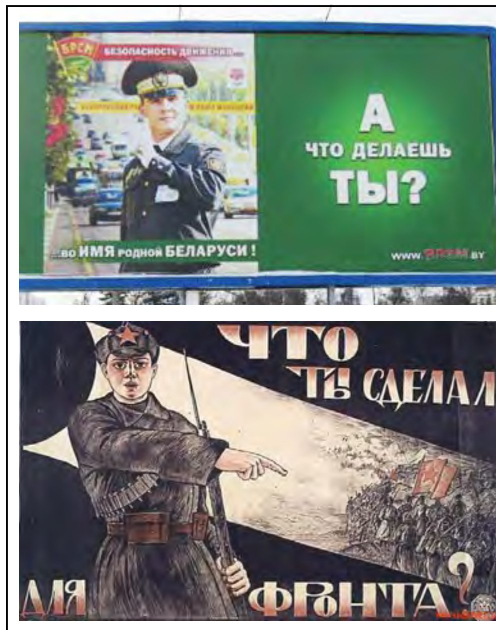

Н. Жуков, В. Добровольский. «Да здравствуют советские летчики!», 1939

«Что ты сделал для фронта?», 1920

4. ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Как и в советский период, значительное количество современных белорусских плакатов также носит идеологический и политический характер. Ярким примером являются серии плакатов «За Беларусь!», «Вместе мы Беларусь!» и другие социальные плакаты, где делается акцент на военных, правоохранительные органы, пенсионеров, работников промышленности, уборку урожая, детей, семью и т.д. Плакаты такого содержания и соответствующей стилистики имеются практически в каждом городе нашей страны. Их цель — отразить политические и социальные направления деятельности белорусского правительства.

Заказчиком этих серий является непосредственно государство, а изданием и распространением занимается БЕЛТА (Белорусское телеграфное агентство). Следует отметить, что плакаты «За Беларусь!», «Вместе мы Беларусь!» являются частью программы агитации в пользу государственного политического и социального курса, поскольку в ее рамках также периодически проводятся концерты и акции «За Беларусь!».

Преемственность с советской социальной политикой они демонстрируют как на уровне риторики, так и на визуальном уровне: их композиция, выбор «нормативных» героев, профессий и развлечений, демонстрация радостных лиц, здорового образа жизни и коллективизма отсылают к советским агитационным практикам и приемам утопической саморепрезентации советского государства.

5. МЕХАНИЧЕСКОЕ СОВМЕЩЕНИЕ «СОВЕТСКОГО» И «СОВРЕМЕННОГО»

Механическое совмещение элементов советской стилистики с образами современной массовой культуры порождает самые специфические изображения из тех, что окружают беларусов. Данные примеры демонстрируют попытки совместить современные рекламные приемы с демонстрацией заботы государства о народе, в котором угадываются отсылки к социалистическому прошлому. В результате прагматическая направленность подобных социальных и коммерческих плакатов помимо воли их авторов нивелируется, так как двойственность их посланий порождает абсурдные эффекты.

Изображения на этих плакатах механически совмещают демонстрацию достижений народного хозяйства и строительства с сексуально-объективированным образом женщины, отсылающим к патриархатным и капиталистическим паттернам современной массовой культуры. Подобные эклектичные сочетания отличают феномен, получивший ироничное название «агрогламур».

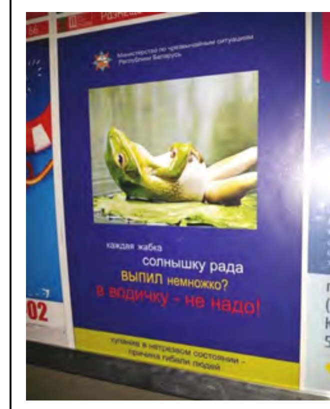
На рекламном плакате отечественных часов изображен деловой и

успешный мужчина, потенциальный представитель «среднего класса». Надпись гласит: «*Я — индивидуальный предприниматель. Я ценю свое время, превращая его в деньги. Я не упустил свой шанс, который дал мне Указ № 477. А ты?*» Коммерческая реклама «западного образца» совмещена с официозной бюрократической риторикой и рекламой государственной власти.

Стилистика этой серии социальных плакатов отсылает к оформлению детской книги с примитивными иллюстрациями и четверостишиями. В результате ее адресатом оказывается «народ-ребенок» — объект патерналистской заботы, которому нужно доходчиво объяснять, «что такое хорошо и что такое плохо».

Адресатом оказывается «народ-ребенок» – объект патерналистской заботы

Подобная реклама демонстрирует попытку задействовать ностальгический миф о «золотом веке» советского периода «застоя»

ВЫВОДЫ

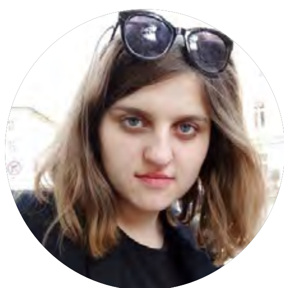
Сопоставление современных и советских плакатов показывает, что социальный контекст белорусской рекламы нередко отсылает и к советской стилистике, и к советской идеологии и риторике. Одна из причин — ориентация на определенную целевую аудиторию, которая испытывает ностальгию по позднесоветскому периоду. При подобном использовании советских образцов акцент сделан на создании положительного и светлого образа прошлого и не порывающего с ним настоящего.

Однако обилие автоматических и механических заимствований указывает на еще одну причину: неотрефлексированность советского опыта. В связи с этим присутствие «советского» в постсоветской культуре можно рассмотреть сквозь призму понятия «культурного фокуса», которое предложил американский антрополог Мелвилл Херсковиц. Культурный фокус -- это «феномен, который придает культуре ее особый акцент, позволяет постороннему ощутить ее особый, отличительный аромат и охарактеризовать в нескольких словах ее сущностную ориентацию». Мелвилл утверждал, что элементы, которые относятся к «культурному фокусу», сильнее всего удерживаются и меньше всего поддаются изменениям во времени. Также он отмечал, что существуют некие элементы мышления и поведения, которые «принимаются как данность и, таким образом, гораздо труднее вытесняются из паттернов мышления и поведения индивидов»[1].

Тот факт, что элементы советской культуры, как мы видим, активно используются в современной массовой культуре — как сознательно, так зачастую и бессознательно, — позволяет предположить, что культурным фокусом современного белорусского общества преимущественно остается советский.

[1] Цит. по: Б. Г. Юдин Аккультурация // Социокультурная антропология: история, теория и методология. — М.: «Академический проект»; Киров: «Константа», 2012. — С. 889.

ВЗГЛЯД НА ИДЕОЛОГИЮ
сквозь призму искусства

КАТЕРИНА ПАРИЖЕСКАЯ,
студентка Западно-чешского университета (г. Плзень)

НАТАЛЬЯ ЦЕГЕЛЬНИК,
переводчик

ЮЛИЯ КНЯЗЬ,
адвокат

Цель нашего проекта-исследования — продемонстрировать возможности и пределы пропаганды идеологии с помощью искусства и поднять вопрос о возможности существования в наше время идеологического художника.

Задачей проекта был отбор ярких и показательных идеологически заряженных образов и компоновка их в коллаж.

Для проекта были отобраны наиболее очевидные образы, которые чаще всего используются государственной властью в целях трансляции и закрепления основных идеологических положений белорусского государства: культ традиционной и полной семьи, популяризация спорта, наличие лидера, идея независимого государства, сохранение памяти о войне и почитание ветеранов.

Гипотеза: Отбирая самые говорящие и узнаваемые образы и собирая их в коллаж, мы, таким образом, сможем добиться наиболее убедительного идеологического эффекта.

КОНЦЕПЦИЯ

Предпосылка нашего проекта заключается в том, что государственный идеологический аппарат всегда использовал и использует визуальные образы как средство трансляции и закрепления официальной идеологии. На этом основании мы решили провести эксперимент. Учитывая тот факт, что на данный момент официальные визуальные идеологические средства являются малоубедительными, мы предлагаем альтернативный вариант — утрированный образ визуальной составляющей белорусской идеологии, созданный гипотетическим художником-пропагандистом. В связи с тем, что в наше

Иллюстрация к поэме В. Маяковского «Про Это» (фотомонтаж, 1923)

Коллаж «Политический футбол» (журнал «За рубежом», 1930)

Иллюстрация к поэме Маяковского «Про это» (1923)

время подобного типа современного художника не существует, мы решили оттолкнуться от опыта Александра Родченко и его коллажей и попытаться самим стать такими художниками, чтобы выяснить, возможно ли это в нынешних условиях.

Современная идеологическая доктрина Республики Беларусь утверждает, что при наличии недавних традиций государственности и относительно недавнем обретении независимости, основными направлениями развития страны являются взгляд в будущее при сохранении связи с прошлым.

Реализуя проект, мы попытались объединить отдельные элементы белорусской идеологии в единый образ, который воспринимался бы зрителем одобрительно. Это условие было введено целенаправленно, так как элементы нынешней белорусской идеологии, как правило, большинством современных художников высмеиваются и не демонстрируются с точки зрения художника-пропагандиста.

В проекте использовались популярные медиа-образы, взятые из официальных интернет-источников — в основном, это фотографии и рисунки. В отличие от коллажей А. Родченко, наши коллажи выполнены в цвете, так как мы не ставили задачи скопировать их напрямую, а только заимствовать его технику и идеи.

Выбор коллажа как инструмента, а также ориентация на работы А. Родченко в нашем проекте не случайны. Будучи ярким идеологом революции, Родченко с помощью своих произведений транслировал в массы идеи, в которые верил сам. Эта убежденность делала его работы искренними и прямолинейными. Мы пытались передать схожие посылы от лица художника-идеолога, абсолютно недвусмысленно поддерживающего официальный курс.

Выбор коллажа объясняется также тем, что коллаж, как и плакат — действенное визуальное средство трансляции идеологии, которое благодаря ярким визуальным образам и связям между ними закрепляет в общественном сознании основные идеологические положения.

Однако в процессе создания такого художественного продукта мы столкнулись с определенными трудностями. Оказалось, что такой взгляд на действительность, каким бы искренним он ни был со стороны художника, скорее всего воспринимался бы частью населения как гипертрофированный сарказм, но никак не ода режиму.

Создание коллажа, к которому будут относиться как к произведению искусства и как к изображению, отражающему, а не высмеивающему официальный курс, оказалось

затруднительным по нескольким причинам: с одной стороны, из-за возросшей способности к критическому мышлению у зрителя, и с другой — из-за типичного его безразличия.

Основная причина, возможно, кроется в том, что опыт слепой веры в утопию и безапелляционного следования идеологии обществом уже пройден. Современному художнику было бы решительно невозможно создать нечто в духе коллажей А. Родченко — такой же искренний и эффективный художественный продукт. В лучшем случае была бы отмечена техника исполнения — по сравнению с уже имеющимися, например, социальными рекламными плакатами, — но не более. Это говорит о том, что те идеологические механизмы, которые с успехом работали в начале прошлого века, совершенно не имеют шанса в настоящее время.

Поэтому задача создать идеологически заряженный образ, пытаясь подойти к нему без критики и сарказма, оказалась невероятно трудной. В процессе компоновки возникало перманентное желание собрать не позитивный, а деконструирующий образ.

Занимательным было наблюдение о первостепенных образах, которые всплывали в памяти или в сети при отборе на определенную тематику. Например, при отборе архитектурных образов превалировали знаковые столичные строения — например, новый музей ВОВ (а не Брестская крепость), Минск-Арена как символ спорта, Национальная библиотека и т.д. Тот факт, что нашим источником были доступные и наиболее распиаренные ресурсы интернета, так же наталкивает на определенные выводы касательно направленности современной белорусской идеологии.

Таким образом, скорее всего, современного художника-пропагандиста, транслятора белорусской идеологии, сегодня просто-напросто не может быть, так как государство (само того не понимая) в первую очередь делает все, чтобы этого не случилось.

Современного художника-пропагандиста, транслятора белорусской идеологии, сегодня просто-напросто не может быть

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА фешн-бренда

ЮЛИЯ МИРОНОВА,
культуролог

ЮЛИЯ СЫМОНОВИЧ,
свободный графический дизайнер

АНАСТАСИЯ ТАРАСЕВИЧ,
программист

Цель проекта: выявить и деконструировать мифологизированность брендовых товаров современной фешн-индустрии.

ЗАДАЧИ ПРОЕКТА:

- определить современный бренд как элемент, навязываемый потребителю средствами рекламы, которая является системой мифов;
- отделить товар от рекламного образа и получить «просто вещь» без предзаданной ауры и стоящего за ней мифа;
- деконструировать отделенный рекламный образ и ритуал потребления брендовых вещей.

КОНЦЕПЦИЯ ПРОЕКТА:

Желание обладать какой-либо вещью все больше отуманивает разум совершенно различных людей — при этом дорогостоящая покупка может абсолютно не соответствовать реальному финансовому положению человека. Мы предлагаем дистанцироваться и посмотреть на товарный фетишизм критично. Кроме желания потреблять, различные товары модной индустрии конструируют наши гендерные роли, навязывая женщинам определенные каноны красоты и «женственности», мужчинам — каноны «мужественности». Наше тело попадает в рамки «нормы», которая затем подается как социально одобряемая и единственно возможная. Стремясь довести себя до соответствия с «каноном красоты», человек попадает в постоянную гонку потребления.

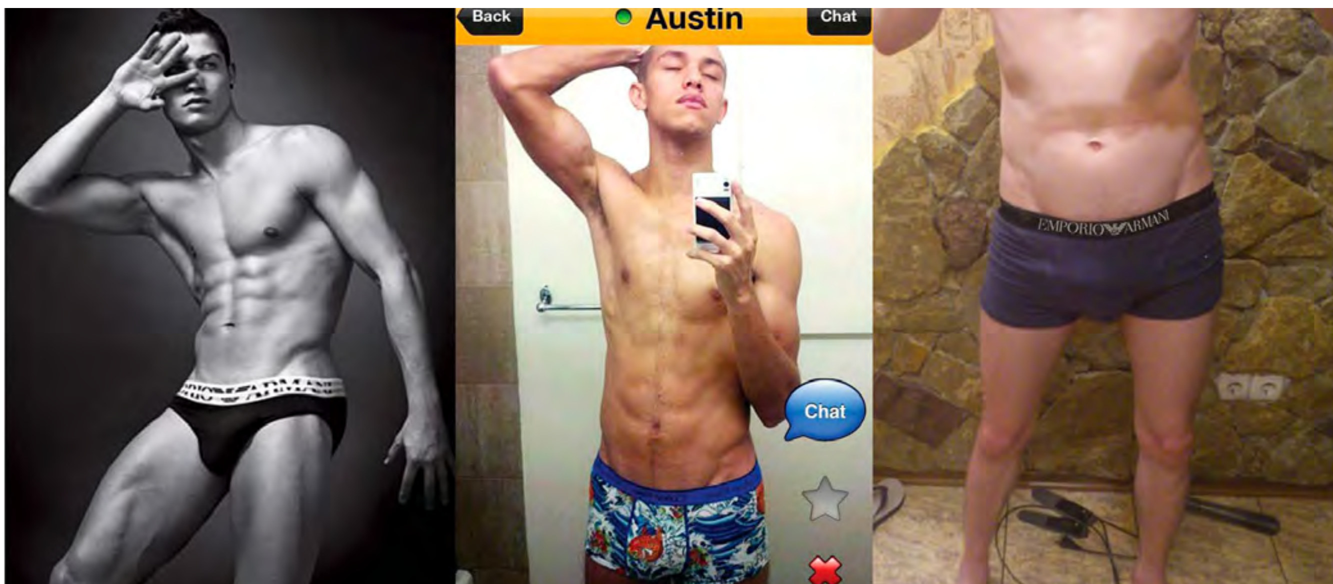

Гламурные издания, масс-медиа, реклама и другие средства коммуникации постоянно пытаются навязать потребность в определенных вещах, продуктах и услугах, стремясь формировать тем самым наш стиль и образ жизни, гендерные роли и стандарты привлекательности. Покупатели, в особенности жители больших городов, впадают в неконтролируемую гонку потребления, чувствуя постоянную необходимость обладать неким «мастхейвом», который устаревает так же стремительно, как и оказывается на модном рынке. Человек, не имеющий возможности обладать подобными «необходимыми» вещами, может испытывать стресс и чувствовать себя «белой вороной».

При этом сами товары плотно окутаны мифами о своей исключительности, важности и незаменимости. Ролан Барт, исследовавший массовую культуру и современные мифы, писал: «Миф носит императивный, побудительный характер, отталкиваясь от конкретного понятия, возникая в совершенно определенных обстоятельствах… он обращается непосредственно ко мне, стремится добраться до меня, я испытываю на себе силу его интенции, он навязывает мне свою агрессивную двусмысленность»[1].

Стремление обладать, как правило, не осознается потребителем. Ежедневно, сами того не замечая, многие поддаются воздействию внешних сообщений, кричащих: «Тебе это необходимо, ты должен купить это, ведь это бренд». В результате мы живем в обществе, где поощряется обладание брендовыми, «статусными» вещами — даже в том случае, если финансовое положение человека не соответствует цене данного

Из форума irecommend.ru:
Полтора года назад, я созрела для покупки Louis Vuitton. И вот я, полная решимости, заранее накопив деньги на эту сумку, пришла в магазин. И вот продавец выносит ЕЕ , сложенную в мешочек, расправляет и дает ее мне. Мои первые мысли были «И вот за это я должна заплатить 900 баксов? Смятая сумка даже не из натуральной кожи! В общем крутила я ее вертела, но решила, что чем эти деньги я проем, лучше куплю сумку и успокоюсь. Я ни разу не пожалела что купила ее!!

[1] Р. Барт. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: «Прогресс», «Универс», 1994. // http://www.booksite.ru/fulltext/bar/bart_r/2.htm.

Культы молодости и красоты сегодня неотделимы от культа потребления

предмета или его социальная ситуация не предполагает его наличие.

В современном мире понятия красоты и успешности неразделимы. Чтобы быть успешным, нужно отлично выглядеть, и наоборот: если ты красив — ты в восприятии окружающих наверняка успешен. Брендовые вещи — это то, что позволяет людям попадать в обе эти категории. Обладая какой-либо брендовой вещью, человек одновременно и утверждает свой статус, и подчеркивает его. Демонстрация статусности посредством владения какой-либо брендовой вещью стала нормой: данная модель поведения транслируется с телеэкранов, рекламных плакатов, витрин, билбордов и т.д. С позиций современной массовой культуры, человек просто не может быть счастлив, доволен и привлекателен, не обладая всем тем, что предлагает ему общество потребления.

Через покупку дорогостоящих товаров человек старается доказать себе и окружающим, что он соответствует уровню социальных ожиданий — даже если фактически это не так. Однако в конечном итоге нижнее белье «Армани» без образа, который несет в себе бренд, — это просто нижнее белье определенного кроя, и в нем нет секретного порошка, делающего мужчину секс-символом.

Культы молодости и красоты сегодня неотделимы от культа потребления. Образы «принцесс» — красивых и успешных девушек, на которых равняются маленькие девочки, — зачастую конструируются с помощью наборов вещей, которые будто бы подчеркивают и приумножают их достоинства.

В этой системе человек существует как заложник. Поэтому мы призываем критически относиться к «агрессивной двусмысленности» брендов и стремлению их навязать.

ЕЛЕНА ЯЩЕНКО,
«Публичная история»

Самым ярким впечатлением от учебы в ECLAB стал мастер-класс по организации публичных дискуссий и собственно проведение публичной дискуссии. А также опасения вахтеров, что мы останемся ночевать в аудитории.

Я, как студентка концентрации «Публичная история», получила более осознанный взгляд на современную историю Беларуси (сравниваю с тем, что я до этого знала об истории, не имея по ней профильного образования), а также интересные и современные знания из других областей (кинематограф, философия, визуальная память и т.д.).

АЛЕКСАНДР КРУТЬКО,
«Массовая культура и медиа»

Американский критик Питер Шьельдал говорил, что понимает тексты и беседы, но не понимает лекций, которые, по его мнению, являются чем-то средним между небрежным сочинением и навязчивой болтовней. Тексты и беседы — основа обучения в ECLAB.

В обычных вузах часто практикуется механическое потребление и воспроизведение материала: студентов пичкают информацией, которую затем нужно «выблевать» на экзамене и забыть. ECLAB предполагает живое интеллектуальное участие каждого студента: мы сами становимся исследователями и толкователями, а роль преподавателя – не разъяснить, не вдолбить, но направить, помочь и, если надо, поспорить.

КРИСТИНА ГРЕКОВА,
«Массовая культура и медиа»

Учеба в ECLAB — это сплошное яркое впечатление. Когда оказываешься в подобной ситуации, начинаешь верить, что в нашей стране потеряно далеко не всё, и даже больше — кажется, что мы идем в нужном направлении.

Учеба «подшлифовала» мое мировоззрение, и теперь я намного лучше разбираюсь в каких-то спорных ситуациях. По крайней мере, понимаю, каким образом действуют те или иные механизмы. А еще я стала добрее, что очень удивляет моих друзей, а меня просто радует.

МАРИЯ КИРИЛЬЧИК,
«Современное общество, этика и политика»

Учеба в ECLAB дала мне возможность задать вопросы самой себе: об обществе, политике, истории, культуре, повседневности, системах, процессах и понятиях, которые являются той атмосферой и тем фундаментом, где и формируется наше «здесь и сейчас».

ECLAB дает возможность выбрать курсы, которые наиболее интересны, а сама атмосфера отличается максимальной неформальностью и комфортом. Мнение каждого важно и ценно, никто не останется неуслышанным, есть пространство для дискуссии и беседы.

